

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 9 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Луковская Д.И., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Нижник Н.С., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., к.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Закон и традиция: ретрообзор

Пронина М.А. Развитие норм о патриотическом воспитании в истории российского законодательства в XVI–XVII веках.....3

Коган Е.Г. Парижский Парламент и королевская власть: особенности взаимоотношений.....6

Исаев И.А. Классическая традиция: литература и право 11

Ибрагимов Ж.И. Основные положения съезда судей (биев) 17

Дубровин Ю.А. Третейские суды в России: реалии и перспективы 22

Закон и собственность: исторические аспекты

Лебедев С.Н. Проблемы определенности концептов понятий «собственность» и «интеллектуальная собственность»..... 26

Лысак Н.В. Правовое регулирование деятельности потребительской кооперации России в дореволюционный период..... 31

Антонова А.В. Исторические аспекты развития авторского права в советский период..... 36

Выборы и органы: формирование власти

Тарабан Н.А. Источники избирательного права перестроечного периода 1985–1993 гг.: этапы развития и классификация..... 40

Сорокун П.В. Окружные законодательные и исполнительные органы советской власти на территории Сибирского края во второй половине 20х гг. XX века..... 45

Марков А.М. Правовой мониторинг на современном этапе: что изменилось с 2008 года?..... 50

Миронов Д.Н. Рецензия на книгу А.А. Арутюняна «Конституционализм: проблемы постсоветской реальности»..... 53

Кулачков В.В. Специфика отражения образа императора в правовом сознании крестьян Орловской губернии периода Первой мировой войны.....56

Калякин О.А. Апелляция в России: проблемы периодизации 59

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtog@lavinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 01.04.2016

Номер вышел в свет 21.04.2016

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс: Почта России — 10866;

«Объединенный каталог» — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 9 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Lukovskaya D.I., doctor of juridical sciences, professor;
Migushhenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Nizhnik N.S., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence
Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay
for publication of their articles.

Law and Tradition: Retro Review

- Pronina M.A.** Development of Patriotic Education Regulations in the History of Russian Legislation (XVI — XVII centuries).....3
- Kogan E.G.** Parisian Parliament and Royal Power: Interrelations Features.....6
- Isaev I.A.** Classical Tradition: Literature and Law 11
- Ibragimov Zh.I.** Main Provisions of Judiciary (Biys) Conventions.....17
- Dubrovin Yu.D.** Referees Courts in Russia: Realities and Prospects.....22

Law and Property: Historical Aspects

- Lebedev S.N.** Issues of Determinacy of Definition Concepts "Property" and "Intellectual Property".....26
- Lysak N.V.** Legal Regulation of the Russian Consumer Cooperation Activity in the Pre-Revolutionary Period.....31
- Antonova A.V.** Historical Aspects of Copyright in the Soviet Period.....36

Elections and Bodies: Power Formation

- Taraban N.A.** Sources of the Voting Right of the Perestroika Period 1985–1993: Development Stages and Classification.....40
- Sorokun P.V.** District Legislative and Executive Bodies of the Soviet Power in the Siberian Territory in the Second Half of 20s of XX Century.....45
- Markov A.M.** Legal Monitoring at the Modern Stage: What Has Changed from 2008?.....50
- Mironov D.N.** Review of the Book by A.A. Arutyunyan "Constitutionalism: Issues of Post-Soviet Reality" 53
- Kulachkov V.V.** Specificity of Reflection of the Emperor's Image in the Legal Mind of Oryol Government Peasants in the First World War Period 56
- Kalyakin O.A.** Appeal in Russia: Periodization Issues.....59

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 01.04.2016
Issue was published: 21.04.2016

Circulation 3000 copies.
Free market price.

Subscription:

Russian Post — 10866;
"United Catalogue" — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Развитие норм о патриотическом воспитании в истории российского законодательства в XVI–XVII веках

*Пронина Марина Алексеевна,
магистр юриспруденции, старший преподаватель
кафедры конституционного и административного права
Волжского гуманитарного института (филиала)
Волгоградского государственного университета,
аспирант Волгоградского государственного университета
proninam2008@mail.ru*

В статье выявляется юридическая регламентация норм о патриотизме и патриотическом воспитании в XVI–XVII веках. Доказывается, что идея единства и сплочения народов является неотъемлемым фактором развития полноценного всесторонне развитого государства.

Ключевые слова: ментальные основы, теория патриотизма, история патриотизма, патриотическая концепция, преступления против государства.

Development of Patriotic Education Regulations in the History of Russian Legislation (XVI – XVII centuries)

*Pronina Marina A.,
Master of Jurisprudence, Senior Lecturer of the Constitutional
and Administrative Law Department of the Volga Humanities Institute (Branch)
of the Volgograd State University,
Postgraduate Student of the Volgograd State University*

The article identifies legal regulation standards of patriotism and patriotic education in the XVI–XVII centuries. It is proved that the idea of unity and solidarity of the people is an essential factor in the development of high-grade fully developed state.

Key words: the mental framework, the theory of patriotism, history of patriotism, patriotic concept, a crime against the state.

Историко-правовое развитие патриотизма и патриотического воспитания приобретает сегодня особую значимость в связи с ростом государственной и национальной заинтересованности в формировании национального единства. В истории России отмечается многообразие событий, отображающих успешную реализацию программ патриотического воспитания и народного единения.

Новизну работы подтверждает отсутствие комплексных разработок в области истории и права в отношении патриотизма. Целью научного исследования является изучение развития норм о патриотическом воспитании в истории российского законодательства в XVI–XVII веках.

Для достижения поставленной цели автор решает следующие задачи: 1) рассмотреть нормы источников права XVI века, регламентирующих патриотизм и патриотическое воспитание; 2) рассмотреть нормы основных источников права Руси, регулирующих патри-

отическую концепцию; 3) рассмотреть понятия менталитета и многонародности как ключевых факторов формирования концепции народного единства.

В начале XVI века патриот именуется как «отечестволюбец», а позднее — как «доброход российского царства». Законодательно данное понятие закреплено не было. Вплоть до конца XVI века утверждается христианская вера, а с ней и идеологические основы патриотизма.

Судебник 1550 года являлся первым в истории единым основным нормативным актом, действовавшим на территории всего Российского государства. В нем появляется понятие государственного преступления, подтипами которого являются: крамола, заговор, мятеж. К должностным преступлениям и преступлениям против порядка управления относились: взятка («посул») и казнокрадство. Мы видим, что увеличивается число преступлений и видов наказаний за подрыв государ-

ственного строя, за нарушение должностных обязанностей служилого населения.

События смутного времени открыли новый период в истории развития российского патриотизма. «Никогда Россия не была в столь бедственном положении, как в начале семнадцатого столетия: интервенция поляков и шведов, внутренние раздоры, смуты бояр, а более всего совершенное безначалие — все угрожало неизбежной гибелью земле русской» [1, с. 19].

В этот период земский староста Козьма Минин осуществил призыв населения Руси: «Граждане нижегородские! Кто из вас не ведает всех бедствий царства Русского? Мы все видим его гибель и разорение, а помощи и очищения ниоткуда не чаем. Доколе злодеям и супостатам напоят землю русскую кровию наших братьев? Доколе православным стонать под позорным ярмом 10 иноверцев?.. Потерпим ли мы, чтобы царствующий град повиновался воеводе иноплеменному?.. Покинем ли в руках иноверцев сиротствующую Москву?... Для содержания людей ратных отдадим все золото и серебро; а если мало и сего, продадим все имущества, заложим жен и детей наших... Вот все, что я имею! — продолжал он, бросив на Лобное место мешок, наполненный серебряной монетой, — и пусть выступит желающий купить мой дом — с сего часа он принадлежит не мне, а Нижнему Новгороду, а я сам, мы все, вся кровь наша — земскому делу и всей земле русской!». И нижегородцы единодушно ответили: «Отдадим все наши имущества! Умрем за веру православную и святую Русь!» [1, с. 20].

В XVI веке в России появляется идеологическое обоснование сильного самодержавного государства и органов центральной власти.

Начало XVII века стало переходным моментом в понимании сущности патриотизма, который ранее базировался исключительно на христианских верованиях. С этого момента основой патриотизм в сознании населения в равной степени стали единство веры и территориальной целостности, их взаимное дополнение и неотъемлемость друг от друга. Осознанная принадлежность себя не только к единой вере, но и к занимаемой территории.

Соборное уложение 1649 года представляло своеобразную систему наказаний: преступления против церкви занимали ключевую позицию, затем — государственные преступления, против порядка управления, против благочиния, должностные преступления. Такой спектр законодательного контролирования средств защиты государственного строя, общественного порядка, нравственности в

полной мере отображал необходимость контроля и правового регулирования потенциальных действий.

В конце XVII века укрепляется концептуальная идеология «Москва — третий Рим», характеризующая Россию как самостоятельный и независимый политический и церковный центр. Освобождение от гнета татаро-монгольского ига, развитие политической мысли, рост национального самосознания и самоуверенности стали причиной сплочения славянских народов.

Изначально патриотическое воспитание осуществлялось через призму религии, что заложило основы своеобразной русской ментальности. Что же представляют собой «менталитет» и «ментальность»? Является ли патриотизм характеристикой отдельного народа? Или он присущ всем без исключения?

Менталитет (от лат. *mentalis* — умственный) — склад ума; мироощущение, характер, мировосприятие; совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих человеку или общественной группе.

Менталитет народа является составной частью национальной культуры, в том числе и правовой. Изучение национального менталитета необходимо для понимания взаимосвязи природы, истории, культуры и общества в целом на определенной территории.

Изучение ментальных особенностей поможет найти правильные подходы к формированию механизмов законодательства, к пониманию проблем в сфере социально-экономического и внутривластного сферах государственного строительства, а также возможности внутривластного взаимодействия отдельных народностей для благополучного укрепления и развития государства.

Основой менталитета является концепт, задающий своеобразную программу смыслов, регулирующих поведение людей. Концепты в оценке современных исследователей характеризуют «особые моменты жизни, где нужно остановиться, чтобы сделать выбор», обусловленный системой ценностей, закодированных в языке. Они содержат нормы поведения. То есть концепт связан с ключевыми ценностями той или иной культуры и представляют собой «многомерное ментальное образование» [3, с. 33].

Фактором, способным сплотить страну, несмотря на ее многонародность, является поддержка отдельных национальных традиций и культур народов России, а также их ассимиляция. Данное обстоятельство является не только условием укрепления федеративных основ, но и условием согласия в российском

обществе, а также залогом единства российской нации и стабильного, цивилизованного развития всей страны.

Многоязычие заключается в толерантности и взаимном уважении народов, ранее образовавших Русь, проживавших веками на одной территории, имеющих общие традиции. Данное обстоятельство порождает внутреннюю терпимость и сплоченность российской нации.

Российский менталитет формировался в открытом пространстве, что зародило чувство мощного единения друг с другом («как мир, так и я») и примирительное отношение к народам-соседям. Поэтому русским чужд дух враждебности и соперничества.

Этимология этого термина показывает, что данное понятие произошло от лат. «mens» — ум, мышление, душевный склад. Под ним имеется в виду глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания, включающий и бессознательное. Он содержит в себе совокупность установок и предрасположений индивида или социальной группы действовать, мыслить и воспринимать мир определенным образом. Неоспоримо, что менталитет личности формируется на основе традиций, культуры и окружающей среды (как социальной, так и материальной (климат, символы, предметы и прочее)) человека, и, в свою очередь, оказывает на них существенное влияние.

В завершении исследования автором делаются следующие выводы: 1) основными факторами, влияющими на развитие концепцию патриотического воспитания, являются: религия, государственное устройство и режим, а также психологическое отношение к вла-

сти; 2) вопреки всем утверждениям патриотическое воспитание издавна регламентировано государством в законодательстве, что проявляется в запретах на совершение преступлений в отношении религии, родной земли, родного государства, а также указанию на правомерное поведение; 3) менталитальные основы, заложенные в XVI–XVII веках, являются фактором народного единения и национальной терпимости; 4) создание патриотических идей отражалось в последующие века и наиболее близкое содержание слова «патриотизм» к современному пониманию появляется во времена Петра I, который именует себя «Сыном Отечества».

Литература:

1. Гражданско-патриотическое воспитание студентов как инструмент социального развития / Г.А. Быковская, И.В. Иноземцев, А.Н. Злобин. Воронеж: Воронежская государственная технологическая академия, 2010. 24 с.
2. Демидова Е.И., Криворученко В.К. Патриотизм в своей идее неизменен // Эл. журнал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 6. История. С. 64–69.
3. Слово о полку Игореве: сборник / вступ. статьи Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева; сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева, О.В. Творогова; реконструкция древнерусского текста и коммент. Н.А. Мещерского и А.А. Бурыкина; подготовка текстов и примечания Л.А. Дмитриева. Л.: Сов. писатель, 1985. 496 с.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. Fifth Edition (Paperback + DVD-ROM) Paperback. January 21, 2009. 698 с.
5. Webster's Online Dictionary with Multilingual Thesaurus Translation. URL: <http://www.websters-online-dictionary.org>

Парижский Парламент и королевская власть: особенности взаимоотношений

*Коган Екатерина Геннадьевна,
аспирант кафедры истории государства и права
юридического факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
katerina_196@mail.ru*

В статье рассмотрены место, роль и статус Парижского Парламента в государственном механизме средневековой Франции, раскрыты полномочия Высшего суда королевства, а также показаны особенности взаимодействия между королем и Парижским Парламентом.

Ключевые слова: средневековое государство Франции, Парижский Парламент, полномочия Парижского Парламента, королевская власть.

Parisian Parliament and Royal Power: Interrelations Features

*Kogan Ekaterina G.,
Postgraduate Student of the Department of State and Law History
of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University (MSU)*

The article analyzes the place, role and status of the Parisian Parliament in the state mechanism of Middle Age France, reveals powers of the Supreme Court of the kingdom and demonstrates features of interrelation between the king and Parisian Parliament.

Key words: Middle Age State of France, Parisian Parliament, powers of the Parisian Parliament, royal power.

Традиционно история средневекового государства во Франции разделяется учеными на следующие периоды: 1) сеньориальная монархия (IX–XIII в.); 2) сословно-представительная монархия (XIV–XV в.) и 3) абсолютная монархия (XVI–XVIII в.).

Действительно, в исторической литературе государственный строй Франции XVI–XVIII вв. определяется, как правило, в качестве «абсолютной монархии» или «абсолютизма», характерными признаками которого являлись: переход политической власти всецело к королю, а также ликвидация сословно-представительных учреждений (Генеральных штатов), создание централизованного бюрократического аппарата, централизованно построенной постоянной армии и регулярно королевского флота¹.

Однако если рассматривать, во-первых, французский государственный строй во всех его вариантах, существовавших на протяжении указанных веков, во-вторых, взаимоотношение, взаимодействие короля со всеми органами государственной власти, то нельзя не

прийти к выводу о том, что абсолютная монархия в средневековой Франции обладала определенной спецификой.

Так, в качестве «камня преткновения» осуществления королевской власти в XVI–XVII вв. выступал Парижский Парламент, верховный суд, образованный в 1260 году в ходе реформ короля Людовика IX Святого (1226–1270 гг.) путем выделения из Королевской курии (Curia Regis)².

Возникновение Парижского Парламента предопределило институционализацию королевской власти, своеобразное делегирование королем своих судебных полномочий Парламенту, что привело к пониманию Высшего суда королевства как государственной структуры, наделенной особым статусом как государственного органа, олицетворяющего образ короля-судьи, как «продолжения тела короля».

В чем же выражался особый статус Парижского Парламента? Рассмотрим подробнее отдельные моменты.

Особый статус Высшего суда королевства формировался, во-первых, из-за особой генетической связи последнего с Коро-

¹ История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов: в 2 т. / отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А. Крашенинникова и д.ю.н., проф. О.А. Жидков. Т. I: Древний мир и Средние века. 2004. С. 325, 349–356.

² Aubert F. Le Parlement de Paris (1314–1422). P., 1890. P. 5.

левской курий. Так, Высший суд королевства редко именовал себя Парижским Парламентом (Parlement de Paris), для обозначения института использовались выражения: «Двор» (Cour, Curia)³, «Двор заседаний» (Cour de seances)⁴, «Совет короля в Парламенте» (Conseil du roi au Parlement)⁵, «Ассамблея палат⁶» (l'assemblée des Chambres)⁷, «Три палаты» (Les trois Chambres)⁸.

Среди данных наименований Высшего суда королевства историки обращают особое внимание на слово «Двор» (Cour, Curia), указывающее на исключительную роль Парижского Парламента в системе органов государственной власти средневековой Франции, поскольку последний прямо указывал на родство с Королевской курией, претендовав тем самым на высшую власть в государственном механизме королевства⁹.

Немаловажной являлась особая связь Парижского Парламента с персоной монарха. Парламент являлся высшей судебной инстанцией королевства, выносящей приговоры именем короля, без посредников представляющей персону монарха, служащей своеобразным образом короля, вершащего правосудие. Так, в соответствии с Ордонансом от 17 ноября 1318 г. «Парижский Парламент представляет персону короля во время заседаний»¹⁰.

Интересным представляется факт, что покушения на чиновников Парижского Парламента относились к преступлению, так называемому «оскорбление величества».

Так, среди «королевских случаев» особое место занимало преступление «оскорбление величества» (lèse-majesté), в которое включались посягательства не только на персону монарха, но и на парламентариев, представлявших собой «продолжение тела короля»¹¹.

³ Courteault H. Un Journal inédit du Parlement de Paris pendant la Fronde (1 décembre 1651 — 12 avril 1652). P., 1917. P. 42.

⁴ Journal de Nicolas de Baye, greffier de Parlement de Paris, 1400–1417. T. 1. P., 1885, 1888. P. 142–143.

⁵ Ibid. P. 245–247.

⁶ Высший суд королевства действовал в составе нескольких постоянно действующих палат: Большой палаты (la Grand chambre); Следственной палаты (la Chambre des enquêtes) и Палаты прошений (la Chambre des requêtes).

⁷ Mémoires de Mathieu Molé. T. 2. P., 1855. P. 41.

⁸ Ibid. T. 3. 1856. P. 8.

⁹ Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 190.

¹⁰ Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique. T. I. P., 1723–1849. P. 676.

¹¹ Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 17.

Согласно ст. 19 Ордонанса от 17 ноября 1318 г. «пусть те, кто заседает в Парламенте, не мирятся с поношениями в виде оскорбительных слов адвокатов, а также тяжущихся, ибо честь короля, коего они представляют персону, держа Парламент, не должна этого всего терпеть»¹².

Более того, в данном контексте примечательна роль парламентариев при смене короля: с момента похорон прежнего короля и до коронации нового именно они представляли «его величество», «монарха, который не умирает никогда», «королевскую власть»¹³.

При характеристике статуса Парижского Парламента в государственном механизме средневековой Франции невозможно не затронуть его полномочия.

Парижский Парламент обладал весомыми государственными полномочиями и столь многочисленными, что невозможно их было четко определить. Французский ученый Обер Ф. в своих трудах так писал: «изучая путь Парижского Парламента в истории государства Франции, легко согласиться с тем, что он никогда не имел четко определенных полномочий. Они формировались из духа времени и потребностей государства»¹⁴.

Высший суд королевства совмещал полномочия суда первой инстанции для «королевских случаев» (cas gouaux) и апелляционной инстанции для всех поданных королевства.

Теорию «королевских случаев», гибкость которой способствовала произволу со стороны Парламента, разработали юристы, которые руководствовались, прежде всего, римским правом. Согласно Ордонансу от 8 октября 1371 г. был следующий перечень «королевских случаев»: государственная измена, изготовление фальшивой монеты, а также все случаи, которые так или иначе затрагивали интересы и права короля¹⁵.

Таким образом, Парижский Парламент ставил своей задачей, прежде всего, защиту интересов королевства, прав короля.

Однако процесс институционализации королевской власти, появление идеи о публичном характере королевской власти привели к тому, что Парижский Парламент, как

¹² Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique. T. I. 1723–1849. P. 676.

¹³ Цатурова С.К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 78–95.

¹⁴ Aubert F. Le Parlement de Paris (1314 — 1422). P., 1890. P. 259.

¹⁵ Ibid. P. 260.

высший суд королевства, в определенной мере оказался и над монархом, как частным лицом. В результате эта двойственная природа, как Парламента, так и монарха, определила проблемы, связанные с осуществлением функции высшей инстанции королевства. Королевские интересы по-прежнему именуется «интересами короля», однако развитие государства привело к возникновению системы важных для его существования «интересов», которые нередко выходили за рамки личных интересов того или иного главы государства и могли вступать с ним в противоречие. Данные «государственные интересы» включали в себя: соблюдение общественного порядка, защита государства от нарушителей мира и законов.

Именно с позиции «государственных интересов» Парламент нередко требует от короля соблюдать «королевские интересы», если же предполагалось, что король какими-либо действиями вредит королевству, тем самым почему-то самому себе, Высший суд королевства такие действия объявлял «ущербом» верховной власти, служителям этой власти. При этом Парижский Парламент никогда не стремился противостоять королевской власти, а лишь ее защитить и поддержать.

Показательна в данном контексте речь лидера Парламентской фронды Пьера Бруселя, который утверждал, что «возражения Парижского Парламента вовсе не ограничивают королевскую власть». Свой тезис он подкрепил сравнением: «подобно этому аркбутаны¹⁶ кажутся сопротивляющимися большому строению, тогда как на деле они его поддерживают»¹⁷.

Так, Парижский Парламент отказался регистрировать Конфланский мирный договор 29 октября 1465 г., подписанный королем Людовиком XI и Лигой общественного блага (Ligue du Bien Public)¹⁸ по причине содержания в нем больших уступок монарха феодальной оппозиции, посчитав его противоречащим «интересам королевства»¹⁹.

Попытку короля вмешаться в конфликт Парижского Парламента со Счетной палатой на стороне последней Высший суд королев-

ства назвал «очень большим ущербом королю и общественному порядку»²⁰.

Беспрецедентный шаг был совершен Парламентом 28 марта 1615 г.: в этот день парламентарии пригласили на заседание всех пэров Франции, чтобы «обсудить предложения, касающиеся интересов королевской службы». Ранее инициатива приглашения всех пэров королевства всегда исходила от монарха²¹.

Парижский Парламент как высшая судебная инстанция в средневековой Франции являлся фактически законотворческим органом, поскольку при рассмотрении дел формулировал установления, которые впоследствии приобретали форму судебного прецедента как источника права королевства Франция.

Так, в 1617 г. Парижский Парламент рассматривал дело Леоноры Галигаи, вдовы убитого по приказу короля Людовика XIII главы правительства итальянца Кончино Кончини, барона де Люссиньи, маршала д'Анкара. Леонора Галигаи обвинялась в колдовстве. Вынося смертный приговор, парламентарии включили в текст последнего некое предписание, далеко выходящее за рамки данного процесса, а именно: «Пусть отныне никакой иностранец не будет включен в Государственный совет королевства»²².

На первый взгляд такое скромное предложение в обычном приговоре впоследствии приобрело форму судебного прецедента, который был использован парламентариями в качестве основания требования отставки другого пришедшего к власти итальянца — кардинала Джулио Мазарини.

Помимо высшей судебной инстанции королевства Парижский Парламент являлся своеобразным органом конституционного контроля, главным орудием которого было «право ремонстрации».

Все королевские указы издавались королевской канцелярией, а за Парижским Парламентом было закреплено право регистрации королевских указов, которые только после этого считались вступившими в законную силу. Право регистрации возникло из изначальной присущей парламентарием процедуры публичного оглашения королевских писем и указов: такое объявление делал президент Парламента в конце слушания дел после вынесения приговоров. Если же рассмотрение

¹⁶ Арк-бутаны (arc-boutant) — наружные упорные арки готических соборов, опирающиеся верхним концом в стену, а нижним — в столбы или контрфорсы.

¹⁷ Kossman E.H. La Fronde. Leiden. P., 1954. P. 27, 28.

¹⁸ Союз феодалов, объединившихся против централизации государства, проводимой королем Людовиком XI в средневековой Франции.

¹⁹ Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М., 2009. С. 35.

²⁰ Journal de Nicolas de Baye, greffier de Parlement de Paris, 1400–1417. Т. 1. P., 1885, 1888. P. 26.

²¹ Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М., 2009. С. 48.

²² Glasson E. Le Parlement de Paris, son role politique depuis le règne de Charles VII jusqu'à la Révolution. Т. 1. P., 1901. P. 131.

дел велось в спешке, то судебный исполнитель обычно публично оглашал письмо или указ короля из окна здания Парижского Парламента.

Такая процедура, внешне казавшаяся чисто технической, в действительности давала скрытую возможность тормозить введение в действие новых указов и тем самым оказывать влияние на законодательную деятельность в государстве.

Так, если Высший суд королевства не был согласен с указом, считал его несоответствующим духу времени, потребностям государства, «интересам короля», он отказывался его объявлять, как это было, например, с письмом англо-бургиньонских властей отменить старые свободы церкви Франции²³.

Данное право отказа в регистрации королевских указов под предлогом несоответствия их общему духу законодательства страны получило название «право ремонстрации»²⁴.

Помимо вышеназванных полномочий Парижский Парламент, по сути, являлся высшим административным органом королевства.

К ведению Парижского Парламента, в частности Большой палаты (la Grand chamber), относилось проведение после избрания чиновников торжественной церемонии наделения полномочиями бабли, сенешалей, губернаторов городов, на которой данные чиновники присягали на верность короне, а генеральный прокурор напоминал вновь избранным их права и обязанности. В XV веке перечень лиц, которые после избрания и присяги наделились своими полномочиями в Парламенте, увеличился. Теперь маршал и адмирал королевства, начальник королевской артиллерии, консьержи дворца, королевские нотариусы также были подвергнуты данной процедуре. Королевские чиновники: бабли и сенешали, прево, сборщики податей и т.д. обязаны были предоставлять отчеты о проделанной работе в Парижский Парламент.

Парламент фактически управлял всем Парижем, всем королевством. Он следил за содержанием путей и сообщений, памятников, фонтанов, фабрик, больницы, тюрем (постановление от 23 декабря 1733 г. о тюрьмах города Парижа²⁵, постановление от 25 мая 1745 г. к администрации фабрики Монфер-

мей²⁶). Для более эффективного выполнения данной функции он назначал инспекторов, которые помогали ему следить и контролировать все места общественного пользования. Рынки, причалы, главные улицы — были объектами его наблюдения и контроля.

Он заботился о продовольственном обеспечении столицы, системе водоснабжения, обогрева, контролировал куплю-продажу зерна, древесины, соли (дело от 12 июля 1419 г. о многочисленных нарушениях мельниками стандартов качества муки²⁷, дело от 30 августа 1786 г. об урегулировании налога на хлеб в городе Бар-ле-Дюк²⁸).

Парижскому Парламенту принадлежало право уменьшать или расширять границы административных округов, их создавать или упразднять²⁹.

Он являлся Высшим советом по вопросам университетов и колледжей, по вопросам общественного образования (дело от 29 января 1765 г. о регулировании работы колледжей независимых от университетов³⁰).

Тесная связь Парижского Парламента с Королевской курией, персоной монарха, причисление парламентариев к «телу короля» проявились также в особой заботе о достойном содержании чиновников Высшего суда королевства, их внешнем престиже, а также в престиже помещений, где вершился суд.

Особое положение парламентариев в обществе поддерживалось рядом привилегий и внешних атрибутов, которые, безусловно, отражали тенденцию превращения последних в особое сословие — «дворянство мантии» (noblesse de robe).

Первой привилегией, сближавших советников суда с благородным сословием, было освобождение от уплаты налогов. Вызванное стремлением подчеркнуть значимость парламентариев, данная привилегия, хотя и схожая с дворянской привилегией, имела иные основания, акцентирующие отличие чиновни-

²³ Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 269.

²⁴ Prothero G.W. The Parlement of Paris. Oxford University Press, 1898. P. 236.

²⁵ URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8609088p.r=Arr%C3%AAt+de+la+Cour+du+Parlement+concernant+les+prisons+de+la+ville+de+Paris.langFR>

²⁶ URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86048291.r=Arr%C3%AAt+de+parlement+servant+de+r%C3%A8glement+pour+le+27+administration+de+la+fabrique+de+Montfermeil.langFR>

²⁷ Aubert F. Le Parlement de Paris (1314–1422). P. 1890. P. 263.

²⁸ URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8620748b.r=Arr%C3%AAt+de+parlement+portant+r%C3%A8glement+pour+a+taxe+du+pain+en+la+ville+de+Bar-le-Duc.langFR>

²⁹ Aubert F. Le Parlement de Paris (1314–1422). P. 264.

³⁰ URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86179070.r=Arr%C3%AAt+de+parlement+portant+r%C3%A8glement+pour+les+coll%C3%A8ges+qui+ne+sont+ind%C9pendent+pas+des+Universit%C3%A9s.langFR>

ков Парламента от других подданных короля³¹.

Основанием этой привилегии парламентарии считали «малое жалование и доходы их», а вовсе не желание имитировать дворянство³².

Более того, чтобы показать свое отличие и особый статус перед обычным дворянством, чиновники Парламента демонстративно отказывались от таких атрибутов дворянского сословия как ношение оружия и езда верхом на лошадях³³.

Не менее важную роль, подчеркивающую особый статус парламентариев, исполняло и особое одеяние судей. Чиновники Парижского Парламента единственные, наравне с королем и канцлером, носили «королевскую одежду»: длинная и прямая роба, капюшон с опушкой и мантии алого цвета с опушкой (у советников-клириков мантия была фиолетового цвета). Вследствие резкого изменения моды в начале XIV в. и появления короткой одежды длинное одеяние сохранилось только у короля, судей, мэтров университетов, а также у духовенства. Однако уже на рубеже XIV–XV в. короли отказываются от «королевского одеяния», передав его своим судебным чиновникам³⁴.

Современники правильно отмечали, что подлинную «королевскую одежду» постоянно носят только члены Парижского Парламента³⁵.

Наконец, нельзя не сказать об особом месте отправления правосудия, Дворце на острове Ситэ. Первое упоминание о Дворце правосудия мы встречаем в 883 году, когда на город Париж нападают нормандцы, граф Эд (в будущем король Эд I (888–898 гг.)) значительно укрепляет остров Ситэ и отражает нападения в замке, который впоследствии станет Дворцом правосудия. Но окончательное утверждение Парижа как столицы Франции³⁶ (название утвердилось в X в.) и Дворца правосудия как места достижения истины и справедливости, где творился суд, произошло при короле Гуго Капете (987–996 гг.), т.к. именно он обозначил своей резиденцией Дворец на

острове Ситэ в Париже³⁷. С 1277 г. в нем было выделено специальное помещение, где заседал Парламент.

Именно этот старый Дворец на острове Ситэ был символом столицы королевства, символом королевской власти во Франции, отсюда исходили импульсы обновлений в области техники, искусства, литературы, здесь были установлены первые в Париже общественные часы на башне, которая отныне стала именоваться Башней часов³⁸.

Таким образом, Парижский Парламент, являясь могущественным государственным органом, наделенным множественными полномочиями в различных сферах жизни общества и государства, представлял собой, видел себя «продолжением тела короля», отстаивая интересы королевства, даже если последние противоречили личным интересам монарха.

Как удачно выразился один из парламентариев Жан Лекок де Курбвиль 3 марта 1648 г.: «власть Парламента не отделена от королевской; напротив, королевская власть находится в Парламенте как в своем сосредоточении»³⁹.

Таким образом, Парижский Парламент, как последователь Королевской курии, как орган, являющийся «продолжением тела короля», как государственный институт с множественными полномочиями и привилегиями, на протяжении всей своей деятельности являлся своеобразной противоборствующей силой на пути осуществления королевской власти. Именно данное обстоятельство показывает специфику взаимоотношений короля и Парижского Парламента, особенность и неповторимость абсолютной монархии во Франции в XVI–XVIII вв.

Литература:

1. История государства и права зарубежных стран: учебник для вузов: в 2 т. / отв. ред. д.ю.н., проф. Н.А. Крашенинникова и д.ю.н., проф. О.А. Жидков. 3-е изд., перераб. и доп. Т. I: Древний мир и Средние века. М.: Норма, 2004.
2. Малов В.Н. Парламентская Фронда: Франция, 1643–1653. М., 2009.
3. Постановление Парижского Парламента от 23 декабря 1733 г. о тюрьмах города Парижа. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8609088p.r=Arr%C3%AAAt+de+la+Cour+du+Parlement+concernant+les+prisons+de+la+ville+de+Paris.langFR>
- 37 Rittiez F. Histoire du Palais de justice de Paris et du Parlement (860-1789). P., 1860. P. 7.
- 38 Ibid. P. 167.
- 39 Le Boindre J. Débats du Parlement de Paris pendant la minorité de Louis XIV. T. 1. P., 1997; T. 2. P., 2002, P. 44, 45.

³¹ Autrand F. Le temps des professionnels // Histoire de la fonction publique en France. Т. 1. P., 1993. P. 436–437.

³² Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 195.

³³ Geremek B. Les Marginaux parisiens aux XIVe et XVe siècle. P., 1976. P. 325.

³⁴ Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État: Les gens du Parlement de Paris, 1345-1454. P., 1981. P. 133-137.

³⁵ Guenée B., Lehoux F. Les entrées royales françaises de 1328 à 1515. P., 1968. P. 65.

³⁶ Ранее город Лион являлся резиденцией королей.

4. Постановление Парижского Парламента от 25 мая 1745 г. к администрации фабрики Монфермей. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86048291.r=Arr%C3%AAt+de+parlement+servant+de+r%C3%A8glement+pour+l%27administration+de+la+fabrique+de+Montfermeil.langFR>
5. Постановление Парижского Парламента от 30 августа 1786 г. об урегулировании налога на хлеб в городе Бар-ле-Дюк. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8620748b.r=Arr%C3%AAt+de+parlement+portant+r%C3%A8glement+pour+a+taxe+du+pain+en+la+ville+de+Bar-le-Duc.langFR>
6. Постановление Парижского Парламента от 29 января 1765 г. о регулировании работы колледжей независящих от университетов. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86179070.r=Arr%C3%AAt+de+parlement+portant+r%C3%A8glement+pour+les+coll%C3%A8ges+qui+ne+d%C3%A9pendent+pas+des+Universit%C3%A9s.langFR>
7. Томсинов В.А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 — август 1642 года. М., 2010.
8. Цатурова С.К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002.
9. Цатурова С.К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006.
10. Aubert F. Le Parlement de Paris (1314–1422). P., 1890.
11. Autrand F. Le temps des professionnels // Histoire de la fonction publique en France. Т. 1. P., 1993.
12. Autrand F. Naissance d'un grand corps de l'État: Les gens du Parlement de Paris, 1345–1454. P., 1981.
13. Courteault H. Un Journal inédit du Parlement de Paris pendant la Fronde (1 décembre 1651 — 12 avril 1652). P., 1917.
14. Geremek B. Les Marginaux parisiens aux XVIe et XVe siècle. P., 1976.
15. Glasson E. Le Parlement de Paris, son role politique depuis le règne de Charles VII jusqu'à la Révolution. Т. 1. P., 1901.
16. Guenée B., Lehoux F. Les entrées royales françaises de 1328 à 1515. P., 1968.
17. Journal de Nicolas de Baye, greffier de Parlement de Paris, 1400–1417. Т. 1. P., 1885, 1888.
18. Kossman E.H. La Fronde. Leiden. P., 1954.
19. Le Boindre J. Débats du Parlement de Paris pendant la minorité de Louis XIV... — Archives Nationales. U 336. Т. 1. P., 1997; Т. 2. P., 2002.
20. Mémoires de Mathieu Molé. Т. 2. P., 1855.
21. Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique. Т. I. P., 1723–1849.
22. Prothero G.W. The Parlement of Paris. Oxford University Press, 1898.
23. Rittiez F. Histoire du Palais de justice de Paris et du Parlement (860–1789). P., 1860.

Классическая традиция: литература и право

Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igr@yandex.ru

В статье рассматриваются важные аспекты взаимодействия традиционных принципов права с модернистскими влияниями в юриспруденции. Основным материалом являются правовые конструкции, имевшие место в Европе в эпоху Ренессанса и Реформации. Заметную роль в этом процессе сыграли такие литературные источники, в которых были выражены основные идеи о праве и справедливости. Имена Данте, Макиавелли и Шекспира оказываются рядом в духовном процессе становления нового европейского права.

Ключевые слова: *закон, право, справедливость, порядок, мораль, узурпация, реформация, форма права, власть, суверенитет, тирания, диктатура, авторитет.*

Classical Tradition: Literature and Law

Isaev Igor A.,
Head of the Department of State and Law History
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Honored Worker of Science of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor

The article analyzes important aspects of interrelation of traditional law principles with "modernism" influence in the jurisprudence. The main material is legal constructions which had place in Europe in the Renaissance and Reformation periods. Significant role in this process was played by the literary sources where the main ideas about law and equity were expressed. Names of Dante, Machiavelli, and Shakespeare are nearby in the spiritual process of establishment of the new European law.

Key words: act, law, equity, order, moral, usurpation, reformation, law form, power, sovereignty, tyranny, dictatorship, authority.

Если «император» у Данте в своих устремлениях был всецело обращен в прошлое, в мир «Священной римской империи», то «государь» у Макиавелли смотрит в будущее, на объединенное и централизованное национальное государство: первый замыкает собой Средневековье, второй открывает эпоху Нового времени. Макиавелли с недоверием смотрел на античные исторические государственные формы, полагая, что каждая из них может быть губительной в силу своей односторонности. Но и открытие новых политических порядков не менее опасно, подобно поискам неведомых земель.

«Классицист» Гете находил в каждом значительном государственно-историческом событии только ужас периодически пробуждающейся, наподобие природной стихии, разрушительной воли, тем самым он подражал стилю античности; его тон классика вытеснял все происходящее в мире в глубины прошлого, в преддверие некоей изначальной естественной истории: поэт преувеличивал его до такой степени и до тех пор, пока оно не оказывалось в лирически несравненном и драматически напряженном отношении к действию.

Этос исторической драмы был также чужд барочным государственным сюжетам; «отечество», «свобода», «вера» для барочной драматургии были всего лишь произвольно заменяемым утверждением личной доблести — *virtu*. Но именно Макиавелли положил в основу нового политического мышления такие антропологические принципы, как единообразие человеческой природы, власть животного начала и аффектов (прежде всего любви и страха, их безграничность), — те истины, на которые стало опираться любое понастоящему последовательное политическое мышление и деятельность: «учитывающая реальность позитивная фантазия государственного деятеля использует как фундамент эти истины, которые трактуют человека как природную силу и учат преодолевать одни аффекты с помощью других» (В. Дильтей).

То, что кажется отвратительным в виде жестокого поступка одного лица по отношению к другому, или одного государства по

отношению к другому государству, или другому частному лицу, в политике становится заслуженной карой, «ибо содействие анархии является единственным преступлением против государства, поскольку оно включает в себя все остальные государственные преступления». Поэтому высокий долг государства — уничтожение всеми имеющимися у него средствами всего того, что угрожает безопасности и существованию государства. И насилие здесь — уже не просто средство, а кара (Гегель)¹.

Макиавелли долго оставался поклонником Фичино, однако свои механистические представления о политическом он воспринял, скорее всего, у Леонардо; для него общество есть динамическая система противоборствующих сил («знати» и «народа»), и все различия в формах правления и судьбах государств определяются соотношением этих сил. Все эти силы противостоят трансцендентной силе, божественной воле и надприродному закону. Бог как бы сливается с природой, а человек Ренессанса возносится над ней. Внутри космоса формируется особый человеческий космос со своими законами и структурами. Власть конструирует пространство собственного существования, рождает формы и типы, соответствующие ее представлениям. Искусство властвования нуждается в видимых формах и персонификациях. Череда новых образов проходит по исторической сцене.

У Макиавелли блестящий и удачливый авантюрист, и придворный становятся настоящим воплощением ума и воли, а «картина арены» — королевского двора — ключом к пониманию политической истории вообще: ведь двор и есть самая сокровенная арена. Двор оказывается для барочной драмы вечной естественной декорацией, на которой разворачивается ход истории, и даже когда мир двора «сжимается до эшафота», и тот, чье имя смертный, ступает на арену, и даже тогда героическое величие все еще сохраняет свою силу.

¹ См.: Гегель. Политические произведения. М., 1978. С. 151–152.

Театрализация позволяла моделировать иную реальность, в которой слабость и безумие неожиданно трансформировались во вполне позитивные качества либо вовсе исчезали; здесь двор представлял собой некий светлый локус, солнечный мир, противостоящий темной истории (в по-настоящему театрализованных процессиях монарх не только являлся народу как герой античного шествия, но и непосредственно соприкасался с божественной сущностью. Земные и небесные персонажи переплетались в такой барочной свите и были подчинены одной общей идее прославления). «Тело мира» неотделимо от «тела власти» — и то, что происходит с властителем, происходит и с окружающим его миром, и наоборот. Решения суверена изменяют мир, пространство и время; и тогда сакральное тело пребывает в вечности, а физическое — в истории.

Но и сам суверен олицетворяет собой историю. Он «сжимает исторические свершения как скипетр в своей руке», и такое представление — вовсе не привилегия только людей театра: в их метафизической основе — соображения государственного права. В драматических полемических столкновениях с юридическими учениями Средневековья в XVI веке сформировалось понятие суверенитета: среди всех видов тирании, разделяющихся прежним учением о государстве, особенно противоречивым оказался случай узурпации. Право на устранение тирана достаточно долго жило за счет авторитета церкви, но и это теократическое притязание было позже отвергнуто протестантизмом, и в результате абсолютную неприкосновенность от курии удалось отстоять.

Если современное понятие суверенитета сводится к высшей монаршей исполнительной власти, то барочное понятие развилось из дискуссии о чрезвычайном положении и сделало важнейшей функцией монарха установление или предотвращение этого положения. Легально находящийся у власти уже заранее мог претендовать и становиться носителем диктаторской власти в объявленной ситуации чрезвычайного положения: в этом и была заключена главная контрреформаторская установка².

Римский католицизм сумел преодолеть «дионистические опьяняющие культы, экстаз и растворение в созерцании» исключительно с помощью своего имманентного рационализма, заключенного в институциональном и сущностно юридическом его характере.

² Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М., 2002. С. 51.

Но он же еще и всегда оставался в сфере человеко-духовного, не извлекая на свет «иррациональную тьму человеческой души, к чему так склонялась магия Ренессанса»³. Реформация устранила «светлый и полный утешения готический миф», культ Марии, почитания святых, реликвии, картины, паломничество, дароприношение. Остался только миф о дьяволе и ведьмах как олицетворении и причине внутренней муки: для Лютера крещение стало первичным «актом экзорцизма, таинством изгнания нечистой силы» (О. Шпенглер).

Георг Зиммель проводил различие между авторитетом и престижем: «престиж увлекает за собой и околдовывает, в то время как авторитет предполагает известную свободу зависимых. Обе формы суть одно, потому что подчиненные сами участвуют в построении иерархии. Многие ищут вождя, который взял бы на себя ответственность, и одновременно с этим поиском они оппонируют этому вождю»⁴. Единство оппозиции и повиновения были характерны для тех образований, которые возникали в результате союза кондотьера и коммуны, его пригласившей. Узурпация вполне могла состояться при согласии самих подвластных. В лице вождя очень скоро стали видеть само государство.

В XV столетии кондотьер-завоеватель заменяет собой на историческом фоне фигуру ушедшего в прошлое средневекового рыцаря-защитника. Теперь сила и доблесть всегда знаменуются удачей: нет одного без другого, могущество реализуется в успехе. Поэтому кондотьер-узурпатор вполне легально может стать и сувереном, ведь сам он постоянно живет в ситуации «чрезвычайного положения». Суверенитет становится высшей, непроемкой частью правителя. Суверен оказывается вне нормального действующего правового порядка и вместе с тем всецело принадлежит ему; ведь только он может решить вопрос о приостановке действия «конституции». Именно решение, а не норма становится основой правопорядка: «должен быть установлен порядок, чтобы имел смысл правопорядок» (К. Шмитт), суверенен по-настоящему только тот, кто способен принять решение в чрезвычайном положении⁵.

³ См.: Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма // Политическая теология. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. С. 117.

⁴ Больц Н. Размышление о нравственности. М., 2014. С. 141.

⁵ См.: Долгов К. Возрождение и политическая философия Н. Макиавелли // Избранные сочинения. М., 1982. С. 47.

И в работе Макиавелли в фантастической художественной форме доктринальный и рациональный элемент воплощается в фигуре колоритной кондотьера, который представляет собой одновременно и властителя, и «антропоморфный символ коллективной воли» (Антонио Гранши): все государства были основаны благодаря возвышенной силе таких великих людей; их сила — не деспотизм, но тирания, т.е. «чистое страшное господство», необходимое и справедливое, поскольку оно конституирует и сохраняет государство как действительного индивида (Гегель).

В шекспировской «Буре» на таинственном волшебном острове мага и алхимика Просперо (прототипом которого, как полагают, был елизаветинский маг Джон Ди) кипят заговоры и замышляются убийства; это «сцена на сцене», на которой вместо людей с живыми характерами выступают некие условные фигуры, подобно тем, что действовали в средневековых моралите (особую роль здесь играет образ Калибана: он одновременно и «народ, и рассудок без воображения», это первобытный естественный одинокий человек, о котором позже вспомнит Гоббс). «Бурю» считают пьесой о власти, это настоящее «моралите о власти» и ее перипетиях — старая тема борьбы за власть предстает здесь в новом аспекте — но политическая сторона на сказочном острове достаточно призрачна и иллюзорна, борьба за власть здесь — только отвлеченная формула борьбы свободных волей, борьба за право свободного выбора и возможность поступать независимо: Просперо предпочитает для себя внутреннюю свободу всем прерогативам правителя. И Малькольм в «Макбете» также является узурпатором, но согласно ортодоксальной шекспировской трактовке все же должен быть признан законным королем; таковым он и является перед лицом Бога и как таковой сохраняет все права и прерогативы своего статуса. Но Макдуф, небезосновательно сомневаясь в его легитимности, все же собирается его покинуть, он не хочет ему служить, каким бы законным ни был его титул, поскольку нынешний властитель — узурпатор, он не король божьей милостью и поэтому не заслуживает его преданности. Макбета венчали на трон в Сконе, но Макдуф, в соответствии с правовыми понятиями времен Якова I о праве наследования, может легально отказать Макбету в верности. Однако ни он, ни кто другой вовсе не отказываются признать законность коронации только по этим мотивам⁶.

⁶ См.: Рацкий И. «Буря» Шекспира. СПб., 2006. С. 173–181.

Об узурпации власти много рассказывается и в некоторых исторических хрониках Шекспира, однако в «Буре» эта тема развернута и выделена как-то особо подчеркнуто: здесь Антонио свергает с герцогского престола собственного брата, ведьма Сикоракса насильно подчиняет себе Ариэля, Просперо на острове отбирает власть в общем-то у законного владельца Калибана, который в ответ организует заговор против Просперо; Себастьян и Антонио замышляют убийство законного государя Алонзо... Шекспир даже фантастическую и волшебную власть Просперо персонифицирует в некоем реальном и конкретном существе: власть эта реализуется через Ариэля, которого Просперо порабощает посредством магии: ясно, что свобода одного человека зависит от принуждения другого, и взаимная свобода невозможна⁷.

Сравнение государства, в котором царит порядок, с королевством пчел в «Генрихе V» неслучайно и отдаленно восходит к Вергилию: Шекспир и здесь хотел нарисовать говорящую картину идеального общества, некоего корпоративного государства, в котором каждый выполняет свою функцию, и подчинение здесь играет важную роль. Улисс (в «Тролле и Крессиде»), настаивая на порядке и соподчиненности, ссылается на законы природы, управляющие движением звезд. Этот совет определяется конкретной ситуацией, но навеян, конечно же, гомеровским повествованием: порядок, который наводит Улисс, — необходимая защитная подготовка к надвигающемуся хаосу: «на небесах планеты и Земля законы терпения соблюдают, имеют центр, и ранг, и старшинство, обычай и порядок постоянный».

Соотносимость государственного порядка с космическим отмечена и в «Макбете», и в «Отелло», и в «Короле Лире». Нарушение порядка вызвано в «Макбете» тем, что герой посвятил себя служению злу, и восстановление порядка в конце пьесы предполагает, что порядок в государстве и во Вселенной вполне взаимосвязаны, точно так же, как связаны государство и душа: «Наш разум и все члены тела спорят, собравшись на совет, и человек похож на маленькое государство, где вспыхнуло междуусобье» («Юлий Цезарь»).

Шекспир много внимания уделяет злоупотреблению властью. Кеннет Мюир подсчитал, что в «Мере за меру» слово «власть» употребляется шесть раз и каждый раз не как средство поддержания порядка, а как синоним тирании, которая может быть опре-

⁷ Уолтон Дж. К. Макбет // Шекспир в меняющемся мире. М.: Прогресс, 1966. С. 195–196.

делена как власть без правосудия и милосердия: «платиться за вину нас заставляют. В Писании сказано: кого захочет — того поимеет, кого захочет — того ожесточит. Таков закон»⁸.

В «Короле Лире» власть рисуется символом «пса на служебном посту» — Кент говорит королю: «в лице у вас есть что-то такое, что покоряет... Властность».

Но «легко и просто в преступление власть, когда ему защитой служит власть» («Мера за меру»). Сама власть стремится преодолеть законы, ею же и установленные. Все дело в том, как толковать законы — само же толкование уже порождает новые нормы, приспособленные к стремлениям власти: мнение толкует истину и создает другую, удобную ему истину. Власть создается, формируется как «произведение искусства», захватывается и передается. Победителю прощают грехи, слабому властителю — никогда.

Жан Боден утверждал, что полновластие всегда склонно к «власти определенной и несдерживаемой законами; слабое же государство тяготеет к правителю, ограниченному каким-либо законом. Реальной опасностью для короля являются выборы, потому что они — законное ограничение его власти». Ссылаясь на Аристотеля, Боден замечает: власть, данная Богом, может быть дана также и законом, но когда она дается человеку, то из этого «может родиться чудовище», т.к. человек под влиянием эмоций может поддасться искушению и отказаться от справедливости. Пока закон нуждается в толкованиях и зависит от мнений, меняющихся в соответствии с обстоятельствами места и времени, то причина применения такого закона не может быть адекватно понята⁹.

Толкование законов уже само по себе создает новые нормы и уводит от первоначального смысла закона. Слово божественной правды гложет, остаются внешние формы и формулы. Самодостаточный человек перестает признавать авторитет, и мнения вытесняют истину. «Общественные законы есть не что иное, как только суждения древних интерпретаторов права, которые в своем упорядоченном виде учат рассуждать современных интерпретаторов» (Макиавелли). Политик в процессе рассуждения оспаривает «гражданские религии» или идеологии, превращая их в простые инструменты власти, но затем, в силу своего «ригористического нату-

рализма», сводит череду изменений в человеческой жизни к бесцельным колебаниям, к циклическим повторам, т.е. к пустой иллюзии. Ведь истина — дочь времени и не более¹⁰. Гамлетовское «быть или не быть» уже сигнализирует о неустойчивости и относительности всего мира норм, в котором он живет и в котором растворяются и исчезают, как призраки, легитимность и легальность.

Истина — это только образованное идеями и лишенное интенций бытие, тогда как идеалы — «фаустические матери» (В. Беньямин), они остаются во тьме, «покуда феномены не признаются в своих с ними отношениях и толпятся вокруг них». «Игра масок и ликов, безумцев и мудрецов, игра живых и мертвых превращается во что-то вроде призрачного танца, в котором исчезает даже то небольшое, что когда-то разделяло оба этих лица, и раскрытие истины оказывается только разоблачением всеобщего безумия: постоянное притворство, обман, интриганство, сеть лжи — и все это только глупость. И только в смерти — пробуждение. Истинный корень этой драмы заключается в том, что на человеческую свободу, с одной стороны, посягает фортуна, а с другой — необходимость: «здесь понуждает фортуна, беснуясь свирепо, там решительно противодействует развитие и поворот событий» (Альберти): свет истины и независимость от фортуны и рока, избавление от скорбей и бед неизбежно связываются с мраком смерти, этим «высшим даром, посланным нам природой»¹¹.

Кажется, что сама власть рождает пессимистические переживания из-за своей тесной связи с насилием и смертью. На властителе лежит тягота ответственности за применяемое насилие, узурпация не извиняется приобретенной легитимностью. И легальность — только прикрытие насилия. В своей неосознанной перспективе и бессознательном ожидании власть всегда тиранична — отсюда ее мрачная меланхолия.

«Право вождения является правом отщипания». Возмездие создает круг вождений: полученная обида — потребность мести — блаженство удовлетворения — просто уличенная обида. На мечь способно исключительно существо телесное; демон не действует на почве отщипания, его принцип действия — чистая ненависть добра. В самом демоне нет сознания обиды, его задача сказать «нет» всему, что отмечено следом каково-либо «да». В период Французской рево-

⁸ Мьюр К. Шекспир и политика // Шекспир в изменяющемся мире. М., 1966. С. 115–125.

⁹ Боден Ж. Метод личного познания истории. М., 2000. С. 179.

¹⁰ Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 350–351.

¹¹ См. Гарэн Э. Указ. соч. С. 209–212.

люции символом обиды стала королевская власть, и не было необходимости спрашивать о преступлениях, какие она совершала, поскольку сама она «преступна». Условием революции стало сознание обиды. Мир сам по себе виновен и поэтому заслуживает разрушения: мрачные силы, направленные на его разрушение, символически выражены в образе маркиза де Сада, садизм которого выступает над законом освобождения¹².

Тиран и мученик в эпоху барокко — это две стороны двуликого Януса коронованной особы. Теория суверенитета, для которой любой частный случай рождения и развития диктаторских полномочий (узурпация) становится образцовым, сама подталкивала к тому, чтобы придать этому образу суверена именно тиранические черты. Поэтому и барочная драма совершенно устремлена к тому, чтобы сделать именно «жест исполнения приговора» особенно характерным для государя, и это кажется нормой царствования. Антитеза же монархической власти и действительной способности властвовать породила своеобразную черту барочной драмы, осмыслить которую можно было только на фоне учения о суверенитете: это — действительная неспособность тирана к принятию решения. Государь, которому надлежит принять решение о чрезвычайном положении, вдруг обнаруживает свою полную неспособность это сделать — в каждой драме о тиране содержится в скрытом виде такая мученическая трагедия¹³. У узурпатора меланхолия порождена еще и его честолюбием или алчностью (той «волчицей», о которой говорил Данте). Роберт Бертон в «Антологии меланхолии» определяет честолюбие как изнуряющую жажду почестей, муку, состоящую

из зависти, гордости и надменности, какую-то «скрытую чуму». По словам же святого Бернарда, это — «тайный яд, отец недоброжелательности и мать лицемерия», грязный порок, который «зрит все, что наверху, но сам старается быть невидимым». Алчность же, по определению блаженного Августина, есть та «преисподняя, которая поглощает все и никогда не насыщается, как бездонный колодец»¹⁴.

Меланхолия, доставшаяся барокко от Ренессанса, становится психическим центром, вокруг располагаются и политические убеждения, лежащие в основе представления истории в виде драмы: «Монарх являет собой образец меланхоличности. Ничто не передает с такой остротой бренность всякого творения создателя, как то, что даже он подлежит ее власти» (В. Беньямин).

Литература:

1. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы / В. Беньямин. М., 2002. С. 51.
2. Бертон Р. Антология меланхолии / Р. Бертон. М., 2005. С. 465–466, 473.
3. Боден Ж. Метод личного познания истории / Ж. Боден. М., 2000. С. 179.
4. Больц Н. Размышление о нравственности / Н. Больц. М., 2014. С. 141.
5. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения / Э. Гарэн. М., 1986. С. 350–351.
6. Гегель Политические произведения / Гегель. М., 1978. С. 151–152.
7. Долгов К. Возрождение и политическая философия Н. Макиавелли / К. Долгов // Избранные сочинения. М., 1982. С. 47.
8. Рацкий И. «Буря» Шекспира / И. Рацкий. СПб., 2006. С. 173–181.
9. Тишнер Ю. Избранное: философия драмы / Ю. Тишнер. М., 2005. С. 285–286.
- 14 См. Бертон Р. Антология меланхолии. М., 2005. С. 465–466, 473.

¹² Тишнер Ю. Избранное: философия драмы. М., 2005. С. 285–286.

¹³ См. Беньямин В. Указ. соч. С. 54–57.

Основные положения съезда судей (биев)

*Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
конституционного права Евразийского национального
университета имени Л.Н. Гумилева,
кандидат исторических наук, доцент
zhamaladen@mail.ru*

В работе рассматриваются особенности правового регулирования спорных отношений в съезде биев. Автор отмечает, что решения его основываются на народных юридических обычаях и органы его — бии — выбираются народом из своей среды. Гласность суда обуславливается его публичностью, а последняя основывается на стариннейшем обычае родовой защиты интересов своего сородича.

Ключевые слова: обычное право, спор, суд биев, закон, кодекс, честь и достоинство, справедливость, добросовестность, компромисс.

Main Provisions of Judiciary (Biys) Conventions

*Ibragimov Zhamaladen I.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History
of State and Law, Constitutional Law
of L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

In work features of legal regulation of the disputable relations in congress biys are considered. The author notes that decisions him is based on folk legal customs and its bodies — Biya — get out the people of the environment. Publicity of court is caused by its publicity, and the last is based on starinneyshy custom rodovichy to protect interests of the relative.

Key words: common law, dispute, biy court, law, code, honor and dignity, justice, honesty, compromise.

«Ереже» XIX века занимает особое место в системе обычного права казахов. Ереже является одним из ценных нормативных материалов в изучении и анализе правовых явлений, формирующихся и развивающихся в традиционном казахском обществе с древних времен. Значительное количество ограничений низводит ценность обыкновения до роли некоего информатора суда, который вынужден прибегать к нему для объяснения мотивации сторон в тех случаях, когда имеющаяся нормативная база исчерпана¹.

Первую половину этой эпохи мы часто называем периодом национальной, вооруженной и освободительной борьбы. Ее главной целью было сохранение традиционных взаимоотношений, но российское правительство рассматривало пути их коренного изменения и подчинения. Начали вноситься изменения в процесс решения споров в судах биев, проводившихся в соответствии с традиционным правом. В процессе решения споров в казахском обществе высока роль совета биев.

Сведения о характере, роли совета биев в решении споров требуют глубокого анализа. История рассказывает о наших предках, известных исторических личностях: вождях племен, биях, сказителях, общественных и государственных деятелях, которые внесли огромный вклад в развитие казахского народа и повлияли на исход будущей истории. Они веками стремились к единству, целостности и не уставали к этому призывать. Сплоченность, духовность, нравственность, процветание народа являются основой своеобразного кодекса духа степи. Так, бии выступали как объединители народа в государство, хан олицетворял собой государство².

Исследователь А. Леонтьев особо отметил о правовых изменениях, вносимых в казахское общество и съезда судов биев в процессе решения споров: «Этот любопытный обычай, примененный к новому явлению в области судопроизводства, вызванному русским законом, чрезвычайным съездом биев, носит, однако, на себе все следы очень глубокой

¹ Дашин А.В. Обычное право как объект исследования в постсоветской России // Юридическое образование и наука. 2014. № 10. С. 11.

² Нурлигенова З.Н., Нигматзянова Н.Р. Роль биев в общественно-политической жизни Казахского ханства (на примере бия Среднего жуза Казыбек би) // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 587.

древности. В нем выражается древний взгляд на суд как на третейское разбирательство. И если мы припомним, что на съездах являются бии, выбранные в равном числе каждой из сторон в процессе, подлежащем суду съезда, то эта выработка общих начал судопроизводства получает в наших глазах характер соглашения двух борющихся сторон, соглашения, которое создает общую почву, необходимую для решения спора, и без которой это решение становится невозможным. Такое соглашение носит название «иридже», которое, вырабатываясь перед каждым съездом, записывается и является законом, обязательным только для данного съезда»³.

Поражения вооруженных восстаний на пути сохранения независимости государства привели в глубокому кризису взаимоотношений в традиционной общественно-правовой сфере, и понятия казахского народа о государстве и праве развивались в двух направлениях. В это период усиливался колониалистский фактор России и регулирующие возможности обычных законов стали ограничиваться. Впрочем, в середине XIX века они были еще сильны. Из архивных источников известны случаи обращения казахов и переселенцев, населявших северные регионы казахских земель, к казахским биям по спорным вопросам. Например, в 1859–1865 годы в Атбасарском округе 42 русских, чьи дела были в суде, обратились в суд биев и 5 русских обратились в имперский суд. Также в Кокчетавском округе если все 117 дел были рассмотрены в суде биев, в Баянаульском округе 65 из 67 дел рассмотрены в казахском суде. Таких примеров немало и в других регионах⁴.

В этот период законы Российской империи еще по старой системе были непонятны для коренного населения. Ученый А.К. Гейнс высказался о законах русского правительства по сравнению с результативностью традиционного казахского права: «следствия, производимые приказами, тянутся бесконечно и безуспешно, казахам чуждо и дико в нашей жизни все, что нам кажется естественным и понятным. Как воспитанным под своеобразными условиями жизни номада им непонятны самые элементарные идеи гражданского устройства на европейский лад»⁵.

В одной из статей «О проверке работы казахских биев», опубликованной в газете «Дала

уалайаты», говорится о кризисе, охватившем традиционное казахское право, о решении споров в суде биев: «Как предусматривают соответствующие современные законы степной власти, за исключением сложных дел, иные простые гражданские, спорные дела, а также по уголовным делам за хулиганство были подсудны судам биев»⁶.

В XIX веке бии, признав, что лишены независимости, осуществляли меры адаптации традиционных обычных норм к требованиям того времени. Поскольку русские чиновники, прилагавшие усилия к изменению данной ситуации, активно приступили к данным мероприятиям по отношению к решению споров биями: «Такой порядок решения брачных и семейных дел кочевников подлежит изменению в действии Высочайше утвержденно-го 25 марта 1891 года Степного Положения, так как в силу сего закона, согласованного с Положением облуправления Туркестанского края, киргизам предоставлено по упомянутым делам разбираться своим судом, на основании господствующих у них в сего отношении обычаев»⁷.

Этот процесс проходил сложно, и его ход был связан с особенностями и результатами российских реформ. По мнению ученых, российская политика колонизации казахского народа, воздействие на его обычное право состоит из трех этапов.

Если точно описывать эти периоды, то мы должны рассматривать период протектората, т.е. признания преимущества России, проведения внешней политики в интересах России. Ученый, внесший вклад в изучение истории государства и права в юридической науке, профессор К.Ж. Жиренчин писал: «Отношения в этот период между Россией и казахскими ханствами можно отнести к протекторату и сюзеренско-вассальским отношениям»⁸.

В этот период российские законы не вмешивались во внутренние вопросы казахского общества, но во внешней политике учитывался российский фактор. Многие его проявления мы наблюдаем по ходу регулирования взаимоотношений между казахами и башкирами, казахами и волжскими калмыками. Первые послы, направленные Абылхайыр ханом в Рос-

³ Леонтьев А. Суд биев и ереже // Древний мир казахов: в 10-ти т. Т. 5. Алматы: Жеті жарғы, 2005. С. 544.

⁴ ЦГА РК. Ф. 369, с. 1, д. 8752. С. 26.

⁵ Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. С. 590.

⁶ Дала уалайатының газеті. Адам, қоғам, табиғат. 1888–1902 // Құрастырған Ү. Субханбердина. Алматы: Жазушы, 1994. С. 787.

⁷ ЦГА РК. Ф. 64, с. 1, д. 1923. С. 1.

⁸ Жиренчин К.А. Правовое положение Казахстана в составе Российской империи в XVIII веке // Юридические науки. Вып. 4. Алма-Ата: КазГУ, 1974. С. 117.

сию, имели целью помирить казахский народ с народами, живущими вдоль Волги и Урала, решить проблемы спорных земель. Однако из источников известно, что взаимоотношения с этими соседними народами решались иногда их обычными правилами. Поскольку внутренняя жизнь и система власти казахов были в их руках, считаем этот период развития государства и права достаточно благоприятным для исследования системы традиционного обычного права.

Хотя период вассалитета начался в 1820-е годы, его предпосылки проявлялись еще раньше. Известно, что в младшем жузе влияние России после смерти Абылхайыр хана еще более усилилось. Россия, до этого проводившая политику то приближения Абылхайыра, то отдаления, теперь начала брать в свои руки мероприятия по избранию хана. Этот вопрос отчетливо проявляется в процедуре избрания ханом Нуралы вместо Абулхайыра. В среднем жузе этот процесс начинается с 1780 годов после смерти Абылхайыра хана. Вожди страны, привыкшие соблюдать дистанцию с Россией, не вмешивая ее в выборы Уали, потребовали только признать прошедшие выборы⁹. Самостоятельное избрание хана казахами Среднего жуза породило сложные проблемы со стороны России. Период вассалитета проходил путем уничтожения ханской власти, построения на казахской земле крепостей, разделение казахской территории на округа, их управлении генерал-губернаторами. В конце концов эти процессы ослабили регулирующие функции традиционного казахского права в рассмотрении споров, опустили их до упрощенного уровня регулирования взаимоотношений внутри округа. В этот период окружная власть была в руках старших султанов, выходцев из казахской среды, однако султаны работали под наблюдением русских секретарей, прикрепленных к ним.

Третья ступень колониализации казахской земли, ослабления системы обычного права началась с «Временных положений», введенных колониальным правительством в 1867–1868 годы. Если всесторонне рассматривать меры, проводимые в этот период Российским правительством на казахской земле, можем заметить настоящие признаки колониализма. Влияние «Временных положений» на социально-политическую жизнь казахов мы видим со слов известного исследователя Румянцева: «Отныне нет киргиз-

ского народа, а есть инородцы Российской империи»¹⁰.

Полный переход казахского сообщества во власть России произошел под влиянием собственной российской внутренней реформы. Главное влияние в том, что русское общество само благодаря этим реформам стало переходить на правила европейской культурной среды, в свою очередь, изменения в административной, судебной сфере, в сфере управления, образования оказали прямое влияние на казахской территории. Сведения из архивных документов так описывают ситуацию относительно процесса политико-правового развития, деятельности совета суда биев: «примеров Туркестанского края, где по положению 1866 г. брачные и семейные дела предоставлены такому бесконтрольному решению народного суда, служат доказательством, к каким нежелательным последствиям привела попытка оградить обычное право от полезного вмешательства русской администрации»¹¹.

Одно из последствий этого процесса — полное подчинение казахской земли российской административной-правовой системе в качестве внутренней колонии. В результате походов российской армии в северном направлении казахская земля полностью вошла в собственность Российской империи. Если учесть, что в первой половине XIX века в связи с сохранением казахским обществом особенностей традиционной общественно-правовой сферы обычные законы занимали в жизни особое место, позиция суда советов биев в решении споров была сильной, Ш. Уалиханов в своей работе показывал: «Суд биев, несмотря на 40-летнее русское влияние, остался таким, каким был он за сотни, может быть, за тысячу лет до нас»¹².

Процесс зависимости стал передвигаться с северных областей к западным и с центра на юг. Усиление российской власти в свою очередь усилило кризис системы казахского обычного права, ограничило его возможности регулировать социально-политическую жизнь. Ученый-юрист М.А. Сарсембаев, исследовавший международные правовые отношения государств Средней Азии, отметил об этом историко-правовом периоде: «в период с 60-х годов XIX века до 1917 года была ликвидирована казахская государственность в жузах и земли казахов

⁹ Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1171–1867). Алматы: Наука, 1964. С. 573.

¹⁰ Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. С. 122.

¹¹ ЦГА РК. Ф. 64, с. 1, д. 1923. С. 4.

¹² Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 104.

стали неотъемлемой территорией Российской империи»¹³.

Когда нет независимости, нелегко сохранить нормы казахского традиционного права. Оно, являясь крепким стержнем основ истории и права, в первые периоды независимости служило регулированию споров в традиционной общественно-правовой сфере, но по мере усиления колониальной реформы судьба обычного права тоже стала осложняться. Для многонационального государства создание правовой системы, в которой сосуществуют официальные и неофициальные нормы, является одним из возможных путей решения проблемы правового нигилизма и скорейшего становления правового государства. Дальнейшее развитие гражданского общества в России невозможно без признания существования обычно-правовых норм и их влияния на общественное развитие¹⁴.

«Временные положения» 1867–1868 гг. привели к коренным изменениям традиционную политико-административную структуру казахского общества, также потребовала изменения система правовых норм, регулирующих споры в традиционной общественно-правовой сфере. Русское колониальное правительство проводило множество мероприятий для изменения основ системы обычного права традиционной казахской общины. Приоритеты судебно-правовых реформ, проводимых Российским правительством в этот период, ослабили функции совета суда биев по регулированию споров: «Согласно Временным положениям 1867–1868 г. судебная власть принадлежала: 1) народным судам; 2) судебным органам, действующим на основании русских законов»¹⁵.

В ходе адаптации к изменениям в обществе система обычного права в соответствии с требованиями времени создала в 70-х годах явление, называемое «Ереже». Ереже, с одной стороны, являлось продолжением практики традиционного казахского права, с другой стороны, являлось результатом новых мер, предложенных Россией в ходе колониальной зависимости. В его разработке были заинтересованы и казахские бии, и российские административные служащие. Так как в переходных и нестабильных условиях некоторые законодательные нормы работали неэффективно, это

породило в обществе множество противоречий и споров. Источники характеризуют эту ситуацию следующим образом: «Обычаи никакими правилами не регламентируются, понятие о нем, как и само обычное право, неопределенно и неустойчиво, и здесь именно открывается широкий простор для всякого рода несправедливостям и произволу со стороны судей»¹⁶.

Как описано в исторических правовых источниках, во второй половине XIX века появление «Ереже» на казахской земле во многом связано с этим обстоятельством. Как отметил ученый-юрист З. Кенжалиев, «найдено более 30 вариантов «Ереже»¹⁷.

Считаем, что развитие традиционного казахского права, системы обычного права на протяжении нескольких тысячелетий заканчивается «Ереже». Так как «положения XIX века творение, плод и явление эпохи, в которой казахский народ принял подданство России, потерял свою политическую государственную независимость, казахская земля была колонией Российской империи»¹⁸.

В архивных документах даны такие сведения о решении споров советами суда биев, проведению правовых мер в соответствии с «Ереже»: «Такой порядок решения брачных и семейных дел кочевников изменен с введением в действие Высочайше утвержденного 25 марта 1891 г. Степного Положения, в силу сего закона, согласованного с положением управления Туркестанского края, киргизам предоставлено по упомянутым делам разбираться своим судом, на основании народных обычаев»¹⁹.

Ученый-юрист Ш.А. Андабеков, внесший вклад в изучение самых актуальных вопросов государства и истории права, всесторонне и системно исследовал вопросы, касающиеся совета суда биев в процессе решения споров в суде биев, «Ереже». Научные выводы в трудах ученого Ш.А. Андабекова раскрывают регулиющую роль «Ереже» в исследуемом нами вопросе, дают ценные сведения в отражении решения споров в совете суда биев. Особенно Ереже Карамоллы, в написании которого участвовал великий мыслитель, занимающий особое место в мировой цивилизации Абай Кунанбаев, в нем ученый выражает мнение о

¹³ Сарсембаев М.А. Международно-правовые отношения государств Центральной Азии. Алматы, 1995. С. 17.

¹⁴ Ондар Н.А. Обычное право тувинцев — основа становления государственности // Право и государство: теория и практика. 2015. № 11. С. 49.

¹⁵ ЦГА РК. Ф. 64, с. 1, д. 767. С. 45.

¹⁶ ЦГА РК. Ф. 369, с. 1, д. 8752. С. 22.

¹⁷ Кенжалиев З.Ж. Көшпелі қазақ қоғамындағы дәстүрлі құқықтық мәдениет: теориялық мәселелері, тарихи тағлымы. Алматы: Жеті жарғы, 1997. С. 17.

¹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹ ЦГА РК. Ф. 64, с. 1, д. 1923. С. 8.

решении споров в совете суда биев: «Это Ереже охватывает полностью основные сферы казахского обычного права. В том числе спор за кун, спор за скот и решение споров, систему доказательств, особенности порядка ведения суда также включены в эти Ереже»²⁰.

Вместе с тем в работе, в которой Ш. Андабеков сделал всесторонний анализ Положений Карамоллы и Шубарагаш, можно встретить ценные сведения, касающиеся обычного права, совета суда биев и его особенностей. Ученый юрист Ш. Андабеков отмечает также в своей работе регулирующие функции Положений, принимаемых на совете биев, в жизни кочевого общества. «Особенность Положений в том, что они включают в себя основы отношений в кочевом обществе, стремление упорядочить их». Для биев и системы суда — свидетеля сложного времени эпохи, средства достижения истины для спорящих и оспаривающих, мудрость и знания — это путь к выходу из тупика. Закон — документ, являющийся для широких слоев общества документом, защищающим права и свободы, имущество, честь и достоинство²¹.

Таким образом, исчерпан срок, предписанный судьбой для обычных законов, составлявших основу государства и правовой системы евразийских кочевников. «Жаргы», «Жеті жаргы», «Жол» и другие правовые институты, рассматриваемые нами на основе анализа источников, были основаны на положениях, сформированных тысячелетиями, гарантирующих жизнь человеку как гражданину. Эти положения стали образцом для решения споров.

²⁰ Андабеков Ш.А. Қарамола және Шұбарағаш ережелері // Древний мир казахов: в 10 т. Т. 5. Алматы: Жеті жарғы, 2005. С. 77.

²¹ Там же. С. 88.

Литература:

1. Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе. Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 104.
2. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. СПб., 1897. С. 590.
3. Дашин А.В. Обычное право как объект исследования в постсоветской России // Юридическое образование и наука. 2014. № 10. С. 11.
4. Жиренчин К.А. Правовое положение Казахстана в составе Российской империи в XVIII веке // Юридические науки. Вып. 4. Алма-Ата: КазГУ, 1974. С. 117.
5. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1171–1867). Алматы: Наука, 1964. С. 573.
6. Леонтьев А. Суд биев и ереже // Древний мир казахов: в 10 т. Т. 5. Алматы: Жеті жарғы, 2005. С. 544.
7. Нурлигенова З.Н., Нигматзянова Н.Р. Роль биев в общественно-политической жизни Казахского ханства (на примере бия Среднего жуза Казыбек би) // Молодой ученый. 2013. № 5. С. 587.
8. Ондар Н.А. Обычное право тувинцев — основа становления государственности // Право и государство: теория и практика. 2015. № 11. С. 49.
9. Сарсембаев М.А. Международно-правовые отношения государств Центральной Азии. Алматы, 1995. С. 17.
10. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. С. 122.
11. ЦГА РК. Ф. 369, с. 1, д. 8752. С. 22, 26.
12. ЦГА РК. Ф. 64, с. 1, д. 1923. С. 1, 4, 8.
13. ЦГА РК. Ф. 64, с. 1, д. 767. С. 45.
14. Дала уәлайатының газеті. Адам, қоғам, табиғат. 1888–1902 // Құрастырған Ү. Субханбердина. Алматы: Жазушы, 1994. С. 787.
15. Андабеков Ш.А. Қарамола және Шұбарағаш ережелері // Древний мир казахов: в 10 т. Т. 5. Алматы: Жеті жарғы, 2005. С. 77, 88.
16. Кенжалиев З.Ж. Көшпелі қазақ қоғамындағы дәстүрлі құқықтық мәдениет: (теориялық мәселелері, тарихи тағлымы). Алматы: Жеті жарғы, 1997. С. 17, 19.

Третейские суды в России: реалии и перспективы

*Дубровин Юрий Дмитриевич,
доцент кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина,
кандидат юридических наук
uridubr@yandex.ru*

В настоящей статье автором рассматривается история создания третейских судов в Российской Федерации. Также предпринята попытка показать исторические перспективы развития законодательства о третейских судах в Древней Руси, Российской империи, СССР и Российской Федерации. Автор особо отмечает глубокие корни организации третейских судов в России. Проведен ретроспективный анализ развития законодательства о третейской судебной системе и причины ее недостатков. Автором также проведен анализ основных проблем, стоящих сегодня перед третейским судом.

Ключевые слова: Древняя Русь, Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация, третейский суд, государство, право, законодательство.

Referees Courts in Russia: Realities and Prospects

*Dubrovin Yuriy D.,
Assistant Professor of the Department of State and Law History
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Legal Sciences*

In this article, the author analyzes the history of creation of referees courts in the Russian Federation. The author seeks to demonstrate historical prospects of development of referees courts legislation in the Ancient Rus, Russian Empire, USSR, and Russian Federation. The author specifically highlights deep roots of the referees courts organization in Russia. The author has done a retrospective analysis of development of legislation on the Referees Judicial System and reasons of its deficiencies. The author also has done an analysis of main issues encountered by the Referees Court today.

Key words: Ancient Rus, Russian Empire, Soviet Union, Russian Federation, Referees Court, state, law, legislation.

Споры между людьми были, есть и будут. На протяжении своего существования человечество стремилось к созданию суда «скорому, правому, милостивому и равному для всех»¹. В древности, естественно, люди сами устанавливали порядок образования и деятельности механизма разрешения споров. И, конечно, у разных народов эти механизмы различались. Тем не менее в общем сложилась единая форма и порядок разрешения споров: две стороны с разными интересами обращаются к избранному ими третьему лицу, не имеющему в споре своего интереса, с просьбой разрешить их спор. Таким образом возник судебный орган, получивший название третейского.

В Древней Греции уже к середине V в. до н.э. к ведению третейских судов (в Греции они назывались диететами, а в Риме арбитрами)

стали относить имущественные споры, причем с IV в. третейский суд (становится первой инстанцией, прежде чем стороны могли обратиться в государственный суд. Как и сегодня, суд диететов отличался от государственных судов тем, что разбирательство дела было соединено с меньшими издержками, формальностями и подвигалось скорее. Решения этих судов обжалованию не подлежали.

Таким образом, появление негосударственных судебных органов уходит корнями в далекое прошлое². И, как писал русский юрист XIX в. А.И. Вицын, исторически суд посредников предшествовал суду общественной власти³.

¹ Фурсов Д.А. Процессуальный режим деятельности арбитражного суда первой инстанции. М., 1997. С. 5.

² Давыденко Д.А. С чего начинался мир: урегулирования споров в первобытном обществе // Третейский суд. 2012. № 1. С. 166–175; № 2. С. 159–166.

³ Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву: историко-догматическое рассуждение. М., 1856. С. 3.

Однако с развитием товарно-денежных отношений и переходом к государственному устройству государственная власть стала активно вмешиваться в порядок их формирования и деятельности. Действия суда определялись судными статьями и грамотами. На Руси одним из таких государственных документов можно рассматривать Уставную грамоту Новгородской церкви Святого Иоанна Предтечи на Опоках 1135 года⁴. В указанном документе говорилось о порядке создания и деятельности особых судов для торгового сословия.

Уже со времен царя Ивана IV (т.е. с середины XVI века) третейское разбирательство стало осуществляться при официальной государственной охране и поддержке. Законодательное закрепление третейское судопроизводство получило в Соборном уложении 1649 г., в текст которого было включено Уложение XV.5 «О третейском суде»⁵. Тогда же при царе Алексее Михайловиче (1667 г.) в государственной структуре был создан отдельный приказ, в который «выдать дела купецких людей в одном пристойном приказе, дабы волокитою по разным приказам им, купецким людям, промыслов своих не отбывать».

Дальнейшее развитие торговые суды получили при Петре I, по указу которого в 1720 г. был создан Главный магистрат, который судил торговые дела, ввел сословную организацию купечества по европейскому образцу, но не допускал применения в торговых судах обычаев, признавая их чуждыми всему историческому прошлому России. Царь предписывал торговым судам руководствоваться Уставами и Указами, то есть нормами современного ему права.

Об интересе государства к организации и деятельности третейских судов красноречиво свидетельствует тот факт, что только в период с 1734 по 1831 гг. в России было принято более 20 законодательных актов, регламентирующих процедуру создания третейских судов и порядок их функционирования.

В XIX в. суды, в ведении которых находились торговые дела, получили название Судами таможенными. Указом от 14 мая 1832 г. в России были учреждены коммерческие суды и особые для них правила судопроизводства. Задолго до реформы 1864 года в России Уставом о судопроизводстве по делам торговым

была определена подведомственность коммерческих судов.

Первый кодифицированный законодательный акт о третейском суде был утвержден 15 апреля 1831 г. (включался в Свод законов Российской империи 1833, 1842 и 1857 годов) и предусматривал добровольный третейский суд, основанный на соглашении сторон, и «узаконенный» третейский суд, обязательный в силу закона для рассмотрения споров между акционерами, акционерами и посторонними лицами. Однако данные третейские суды дальнейшего распространения не получили, а проведенная в 1864 году судебная реформа отменила узаконенные, но оставила добровольные третейские суды, которые также должного признания не получили.

Хотя третейские суды никогда не входили в систему государственной власти, их решение считались обязательными для исполнения. Такова была воля предпринимательского сообщества. Если коммерсант игнорировал предписание третейского суда, он становился изгоем, с которым никто не желал вести дела.

Судебная реформа 1864 года в России организационно не коснулась коммерческих судов, однако произошли изменения в судопроизводстве: споры должны были рассматриваться на основе Устава гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 года. Судьи Московского коммерческого суда гордились отсутствием в их стенах мертвящего формализма и канцелярской рутины, свойственным окружным (государственным) судам.

Коммерческие суды просуществовали до октября 1917 года.

Однако поскольку Советское государство отказалось от частной собственности, Декретом «О суде № 1» коммерческие суды упразднились. Вместо них создавались третейские суды. По всем спорным гражданским, а также и частно-уголовным делам граждане могли обращаться к третейскому суду. Однако советское правительство указанным Декретом ограничило субъектный состав третейского разбирательства. В них могли участвовать только граждане. В Декрете не был определен порядок деятельности суда. Предполагалось, что порядок деятельности третейского суда будет определен особым декретом⁶.

Судебные же иски между различными казенными, то есть государственными учреждениями вообще запрещались (ст. 15). Мож-

⁴ Вицын А.И. Там же. Возможно предположить, что подобный институт существовал и ранее.

⁵ Соборное уложение 1649 года. Выверено по изданию: Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.

⁶ Статья 6 Декрета СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» № 1.

но отметить еще одну особенность Декрета; он стал одним из первых законов, принятых советской властью в области юстиции.

16 февраля 1918 г.⁷ Декрет «О третейском суде» был принят. В соответствии с декретом «все споры по гражданским делам, за исключением лишь дел, подсудных специальным судам или иным установлениям, на основании закона о трудовом договоре и о социальном страховании, а также все частно-уголовные дела, по которым налагается наказание лишь по требованию жалобщика или потерпевшего (как-то по делам о личном оскорблении и т.п.) могут быть передаваемы сторонами на разрешение третейского суда» (ст. 1). Также допускалось третейское разбирательство даже одним посредником, а жалобы на решения третейских судов рассматривались съездами мировых судей.

Декрет о третейском суде 1918 г. действовал до 16 октября 1924 г. Ему на смену, но не в виде отдельного нормативного акта, а в виде Положения о третейском суде, введенное в качестве Приложения № 3 к ГПК РСФСР 1923 г.⁸ В соответствии с Положением граждане могли передать любой возникший между ними спор на рассмотрение третейского суда, за исключением споров, вытекающих из трудовых и семейных отношений⁹. Разбирательство дел в третейских судах производится бесплатно (ст. 1).

Отказ от частной собственности и развитие государственной социалистической собственности привел к созданию двойственной системы третейского разбирательства. Помимо третейских судов для разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и организациями была создана система государственных судов, получивших название арбитражных¹⁰.

Последнее было вызвано тем, что в стране стала складываться иная форма рассмотрения гражданско-правовых споров под названием государственный арбитраж, что должно было более соответствовать харак-

теру обобщественной государственной собственности. Система третейских судов была заменена государственными арбитражами, занявшими место третейских судов. Однако арбитражи реально не могли играть роль судов, так как являлись частью государственной судебной системы. А при наличии только одного собственника для разрешения конфликтов посредники были не нужны. Какой был смысл всерьез разбирать, к примеру, финансовые споры между предприятиями, если в конце года Совет министров СССР одним росчерком пера списывал все долги¹¹.

И хотя в советский период государство официально не отказывалось от третейских судов, однако фактически институт третейского судопроизводства не имел широкого распространения.

Поэтому тот организационно-правовой механизм, в рамках которого тогда создавался и действовал третейский суд как форма разрешения имущественных споров, действительно был недостаточен пригоден для широкого применения. В юридической литературе того времени появляются мнения цивилистов-процессуалистов о том, что «производство по третейским записям и решениям в отношении гражданских сделок внутри союзных республик практического значения не имеет»¹², что третейские суды как способ решения споров изжили себя¹³.

Некоторые советские процессуалисты-цивилисты объясняли это тем, что «трудящиеся Советского Союза с первого дня создания народных судов были удовлетворены и формой его организации, и характером его деятельности»¹⁴.

Конечно, с таким объяснением трудно согласится. Третейские суды могли создаваться и действовать в иной социально-экономической действительности: при наличии частника и частной собственности.

Кроме того, Советское государство не способствовало созданию самостоятельной правовой базы в виде законодательного акта о третейских судах. Единственным нор-

⁷ Декрет ВЦИК РСФСР «О третейском суде» // СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 366.

⁸ Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478).

⁹ СУ РСФСР. 1924. № 78. Ст. 783. Прил. к гл. XXII ГПК РСФСР.

¹⁰ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г. «Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями» // СУ РСФСР. 1922. № 60. Ст. 769; см. также: Арбитраж в СССР / под ред. К.С. Юндельсон. М., 1984.

¹¹ Кириллович Г. Третейский суд: «стрелок» можно избежать // Время и деньги. Вып. 63 (1519) URL: <http://e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-2653.htm>

¹² Гражданский процесс / под ред. А.Ф. Клейнмана. М., 1940 (автор главы — В.Г. Гранберг).

¹³ Авдеенко Н.И. О подведомственности имущественных споров товарищеским судам // Вестник Ленинградского государственного университета. 1961. Вып. 1. № 5. С. 124.

¹⁴ Исторический очерк развития советского гражданского процесса / проф. Л.И. Поволоцкий и доц. М.И. Ельевич // Ученые записки. Серия № 107. Юридические науки. Вып. 2. Л. 1949.

мативным актом являлось Положение о третейском суде в виде Приложения № 3 к ГПК РСФСР 1964 г.¹⁵, действовавшее вплоть до 2002 г.

И только когда Россия отказалась от административно-командной системы управления экономикой, появилась надежда на возрождение независимых самостоятельных третейских судов. О необходимости таких структур говорили российские специалисты в сфере третейского разбирательства. Тем более что положительными моментами первой реформы третейского разбирательства было ее проведение «снизу» (как известно, в тот период законопроекты по третейской реформе изначально готовились экспертами Торгово-промышленной палаты) и завершение одновременно с обновлением процессуального законодательства — Гражданским процессуальным кодексом РФ и Арбитражным процессуальным кодексом РФ¹⁶.

Однако принятый в 2002 году Федеральный закон «О третейских судах в РФ»¹⁷ вызвал резко негативную реакцию. По смыслу принятого закона третейский суд представляет негосударственный судебный орган, разрешающий споры по экономическим договорам юридических лиц между собой, юридических лиц и граждан между собой. Более того, система третейских судов является институтом саморегулирования гражданского общества.

Разработчикам ставились в вину то, что они не смогли воспринять новации или так называемые международные стандарты в области альтернативного разрешения споров (далее — АРС). Причинами таких недостатков виделись, прежде всего, консерватизм отечественной правовой традиции и неполный учет национальной специфики в сформулированных на международном уровне рекомендациях.

В результате механизм регулирования негосударственного разрешения гражданско-правовых споров обрел не своиственные черты формальности, огосударствления и излишней императивности, обозначенной термином «судоизация».

Можно согласиться с перечисленными недочетами и издержками отечественного законодательства в создании структур

в области АРС. Однако если мы заглянем в историю создания АРС, то увидим, что эти институты сформировались как структуры, рассматривающие, прежде всего, имущественные споры, в которых участвовали лица, имеющие частную собственность определенной ценности. И формировались они не десятками, а сотнями лет.

Поэтому процесс формирования правовой базы третейского разбирательства для нашего общества и государства, прошедших жестокий процесс обобществления частной собственности от крупной до мелкой, это процесс возвращения в экономику нормальных товарно-денежных отношений. И конечно он не может быть быстрым и простым.

Литература:

1. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в РФ»: ст. 2 // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.
2. Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
3. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г. «Положение о порядке разрешения имущественных споров между государственными учреждениями и предприятиями» // СУ РСФСР. 1922. № 60. Ст. 769.
4. Декрет ВЦИК РСФСР «О третейском суде» // СУ РСФСР. 1918. № 28. Ст. 366.
5. Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде». Ст. 6.
6. Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.
7. СУ РСФСР. 1924. № 78. Ст. 783. Прил. к гл. XXII ГПК РСФСР.
8. Авдеенко Н.И. О подведомственности имущественных споров товарищеским судам // Вестник Ленинградского государственного университета. 1961. Вып. 1. № 5. С. 124.
9. Арбитраж в СССР / под ред. К.С. Юндельсон. М., 1984.
10. Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву: историко-догматическое рассуждение. М., 1856. С. 3.
11. Гражданский процесс / под ред. А.Ф. Клейнмана. М., 1940 (автор главы — В.Г. Гранберг).
12. Давыденко Д.Л. С чего начинался мир: урегулирование споров в первобытном обществе // Третейский суд. 2012. № 1. С. 166–175; № 2. С. 159–166.
13. Исторический очерк развития советского гражданского процесса / проф. А.И. Поволоцкий, доц. М.И. Ельевич // Ученые записки. Серия № 107. Юридические науки. Вып. 2. А., 1949.
14. Кириллович Г. Третейский суд: «стрелок» можно избежать // Время и деньги. Вып. 63 (1519). URL:

¹⁵ Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

¹⁶ Севастьянов Г.В. Третейская реформа в России: хронология основных событий и специфика содержания // Третейский суд. 2014. № 6 (96).

¹⁷ Статья 2 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в РФ» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

- <https://e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-2653.htm>
15. Севастьянов Г.В. Третьейская реформа в России: хронология основных событий и специфика содержания // Третьейский суд. 2014. № 6 (96).
16. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.
17. Фурсов Д.А. Процессуальный режим деятельности арбитражного суда первой инстанции. М., 1997. С. 5.

Проблемы определенности концептов понятий «собственность» и «интеллектуальная собственность»

*Лебедев Сергей Николаевич,
профессор кафедры общественных наук
Литературного института имени А.М. Горького,
доктор экономических наук, профессор
statia 54@mail.ru*

В статье, прежде всего в юридическом контексте, рассматриваются проблемы концептуальной определенности категорий собственности, интеллектуальной собственности и других, сопряженных с ними в правовом поле и экономическом плане, категорий — элементов понятийного аппарата научной теории — в их генезисе.

Ключевые слова: собственность, интеллект, интеллектуальная собственность, право собственности, приобретение, владение, распоряжение, использование.

Issues of Determinacy of Definition Concepts “Property” and “Intellectual Property”

*Lebedev Sergey N.,
Professor of the Social Sciences Department of Maxim Gorky Literary Institute,
Doctor of Economics, Professor*

The article discuss primarily in juridical context problems of conceptual definition of categories of property, intellectual property, and other associated with them in the legal field and in economic terms categories — the elements of the conceptual apparatus of scientific theory — in their genesis.

Key words: property, intellectual property, acquisition, possession, disposal, exploitation.

Основные, наиболее важные, главные проблемы теории права, выраженные в соответствующих понятиях и связанные между собой в конкретных научных представлениях, установках, парадигмах, концепциях и научно-исследовательских программах, следует рассматривать именно как основания юридической науки в ее внутридисциплинарных проявлениях.

При этом в понятийном аппарате теории права особо выделяется такое ключевое универсальное понятие, обладающее всеми признаками междисциплинарности, как категория «собственность» наряду с такими производными от него терминами, как «право собственности», «владение» и другие.

Ныне существует насущная необходимость разработки интегрального подхода к изучению понятийного аппарата теории собственности. Начнем с уточнения именно

юридического содержания концепта понятия «собственность».

Согласно «Большому юридическому энциклопедическому словарю» «собственность — принадлежность материальных и духовных ценностей определенным лицам, юридическое право на такую принадлежность и экономические отношения между людьми по поводу принадлежности, раздела, передела объектов собственности»¹. «Термин «собственность» понимается автором как общественное отношение и объект этого отношения и как право собственности и его объект», — отмечает Б.Н. Алейников, резюмируя свое представление о понятии «собственность»².

¹ Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 581.

² Собственность в Древнем мире: юридический справочник. Пенза, 2004. С. 4.

Можно продолжать и продолжать ряд подобных определений термина собственности, даваемых современными представителями юридической науки, но уже из двух таких приведенных определений становится ясно, что они, во многом перекликаясь между собой, зависят, прежде всего, от общей авторской позиции, которая представляется довольно расплывчатой, хотя бы в сравнении с характеристиками собственности, данными выдающимся отечественным юристом, государствоведом, политическим деятелем Борисом Николаевичем Чичериным (1823–1904), который так писал об этом в своей весьма содержательной книге «Собственность и государство»: «Человек как свободное существо налагает свою волю на внешний мир. В этом заключается основание собственности. Право собственности содержит в себе двоякий элемент: фактическое отношение к вещи, или пользование ею для своих целей, и идеальное отношение — право. Источник первого лежит, с одной стороны, в человеческих потребностях, для удовлетворения которых необходимы материальные предметы, с другой стороны, в физической силе, покоряющей эти предметы власти человека. Источником же идеального отношения является высший закон, закон разума, который подчиняет неразумную природу разумному существу, и неразлучный с ним закон свободы, требующий осуществления ее во внешнем мире, или присвоения ей внешней сферы, которую она могла бы располагать по усмотрению»³.

В другой своей более поздней книге «Философия права» (1900) Б.Н. Чичерин уточняет свою позицию в отношении собственности, права собственности и других понятий из этого ряда. Цитируем здесь некоторые из его определений, поскольку они представляются четкими и содержательными. «В приложении к собственности право признает за человеком законную возможность приобретать, но как он воспользуется этой возможностью, это представляется его свободой; закону до этого нет дела»⁴. «Право собственности заключает в себе двоякий элемент: мыслимый и вещественный, юридическое начало и осуществление его в реальном владении. Первый имеет источником свободную волю человека, согласную с общим законом, второй есть проявление этой воли в материальном мире»⁵. «Однако фак-

тически владение может и не совпадать с правом. Именно потому, что это два разных элемента, они могут расходиться. Право может принадлежать одному лицу, а владение может находиться в руках другого»⁶. «В праве собственности мы должны различать три момента: 1) приобретение, 2) пользование, 3) отчуждение»⁷. «Для приобретения собственности нужен особенный акт со стороны лица или лиц. Этот согласный с законом акт есть юридический титул, он составляет юридическое основание, в силу которого вещь принадлежит тому, а не другому»⁸.

Кратко охарактеризовав собственность и право собственности в юридическом аспекте, перейдем к экспресс-анализу их в экономическом плане.

Как известно, в английском языке существует два близких по значению термина, означающих понятие «собственность» — «property» и «ownership». Согласно англо-русскому словарю Мюллера, «property» — это, прежде всего, «имущество», «собственность», «хозяйство», тогда как «ownership» — это «собственность», «владение», «право собственности»⁹.

Понятия «имущество» и «хозяйство» в этой связи представляет понятие «собственность» именно в экономическом ракурсе, а термины «владение» и «право собственности» — в юридическом ракурсе.

Возможно, что именно этим объясняется направленность смешанной в экономико-правовом плане неoinституционалистской теории прав собственности Р. Коуза, А. Алчиана, Й. Барцеля, Г. Демсеца, Д. Норта и др., которые вместо того, чтобы начать непосредственно с рассмотрения специфики собственности как таковой, обращаются именно к «правам собственности», которые выступают в качестве специфической теоретической и методологической конструкции их общего экономического анализа. «Пучок или часть прав по использованию наличествующего ресурса — вот что такое собственность»¹⁰.

Все же рассматривая термин «собственность» в экономическом смысле, прежде всего следует отличать целый ряд понятий, таких как: «владение», «распоряжение», «присвоение», «собственность», «право собственности». Воспользуемся для установ-

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Там же.

⁹ Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1990. С. 502, 558.

¹⁰ Demset H. Toward a theory of property rights // American Economic Review. 1967. V. 57. № 2.

³ Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005. С. 126.

⁴ Чичерин Б.Н. Философия собственности. СПб.: Наука, 1998. С. 107.

⁵ Там же. С. 110.

ления их корневых сущностных значений Толковым словарем живого великорусского языка В.И. Даля, впервые изданного в 1863–1866 гг., и тогда выясняется, что владение — это «полное право собственности», «право распоряжения и пользования», «предмет обладания, властвования». Распоряжение же — это «приказ, порядок, устройство». Присвоение же — действие по глаголу «присвоить», «присваивать», означающему «присвоить себе», «захватить чужое», «присобить», «взять силой, властью, хитростью», «дать кому право» и т.п. Что же до самого понятия «собственность», то оказывается, что оно, по Далю, равнозначно древнеславянскому слову «собь» и означает «имущество», «пожитки», «богатство», «достояние», а также «все личные качества человека», в то время как «право собственности» есть право «безусловного владения чем навсегда, обладанье».

Таким образом, здесь можно констатировать, что при рассмотрении проблем собственности следует точно разделять понятия «собственность» (как имущество, хозяйство и т.п.) и «право собственности» (как владение, право собственности и т.п.). К правам собственности помимо широко известных таких прав собственности, как «права владения, пользования и распоряжения своим имуществом» (ГК РФ. Ст. 209. Содержания права собственности. П. 1), нередко относят и многие другие. А в принятой сравнительно недавно четвертой части ГК РФ в значительной степени предметом внимания стала «интеллектуальная собственность».

Сравним с этими определениями собственности определения, встречающиеся в современных отечественных научных словарях. Так, в «Кратком словаре по налогам»: «Собственность — система экономических и юридических отношений между людьми по поводу условий и результатов производства»¹¹. В «Словаре предпринимателя» В.И. Борисова и А.А. Ильюхова: «Собственность — юридически закрепленное право владения, распоряжения имуществом и использования его»¹². Отличается от этих дефиниций определение, которое дает Ю.В. Рождественский в «Словаре терминов (Общеобразовательный тезаурус): Общество. Семиотика. Экономика. Культура»: «Собственность — закрепленное за физическим или юридическим лицом право пользоваться, распоряжаться, переда-

вать, дарить, приумножать, расходовать по своему усмотрению какие-либо блага или их источники»¹³.

Обобщая этот материал, предложим такую развернутую дефиницию понятия собственности. В общем плане собственность — это принадлежность, наличие чего-то у кого-то, принадлежность объекта собственности его субъекту (человеку, людям) как таковая. Иными словами, собственность в экономическом плане — это сама экономическая (хозяйственная) реализация субъектом собственности того, что является ее содержанием — самого объекта собственности. Именно поэтому собственность обязательно предполагает отношение субъекта собственности и к самому объекту и к другим субъектам собственности вообще и, в частности, поскольку между субъектами собственности возникают те или иные отношения по поводу конкретного объекта (конкретных объектов) собственности.

Переходя к рассмотрению специфики концепта понятия интеллектуальной собственности, прежде всего, следует отметить, что проблемы защиты интеллектуальной собственности в настоящее время приобретают актуальность в связи с дальнейшей разработкой теории, методологии, методики понятийного аппарата и инструментария мировой и отечественной юридической и экономической науки, в том числе в плане осмысления новых, не использовавшихся ранее подходов к рассмотрению сущности концептов понятия интеллектуальной собственности, что в значительной мере связано с переходом к информационной экономике.

Специфика современных подходов к исследованию проблем собственности вообще и интеллектуальной собственности в частности предполагает необходимость решения целого ряда специальных вопросов. При этом следует отметить, что поскольку современная специфика собственности и интеллектуальной собственности относятся к принципиально новым юридическим и экономическим явлениям, имеющим различные интерпретации и истолкования, равно как и их теоретико-методологические аспекты, методика, понятийный аппарат и научный инструментарий, постольку в плане формирования их современной интегральной проблемно-конкретной парадигмы их концептуальное обоснование, аналитическая оценка и

¹¹ Краткий словарь по налогам. М.: Экономика, 1998. С. 103.

¹² Борисов В.И., Ильюхов А.А. Словарь предпринимателя. М.: Экономика, 2004. С. 170.

¹³ Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Общество. Семиотика. Экономика. Культура. М.: издательство «Флинта»; Наука, 2002. С. 45.

фактографическое обобщение находятся пока на этапе начального формирования.

Все же уточним здесь самопонятие «интеллектуальная собственность» по соответствующей специальной справочной литературе. Так, в уже упоминавшемся «Большом экономическом словаре» утверждается: «Интеллектуальная собственность — совокупность правовых отношений по поводу владения, распоряжения и использования продуктов интеллектуальной деятельности, исключительные права на результаты творческой деятельности и средства индивидуализации»¹⁴. А вот Ю.В. Рождественский определяет термин «интеллектуальная собственность» следующим образом: «Интеллектуальная собственность (от лат. intellectus — познание, понимание, рассудок) — собственность на результаты интеллектуальной деятельности в изобретательстве и технике, науке, литературе и искусстве, определяемая авторством и имеющая сроки на право собственности»¹⁵.

На специфический правовой функциональный критерий, позволяющий выносить суждение об отнесении тех или иных экономических объектов именно к объектам интеллектуальной собственности, обращает внимание О.В. Аبلёзова: «...результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним с точки зрения способов защиты средства индивидуализации юридического лица, продукции, выполняемых работ и услуг являются объектами интеллектуальной собственности (ст. 138 ГК РФ). Главный критерий при отнесении таких объектов к объектам интеллектуальной собственности — наличие правовой охраны, что означает признание исключительных прав правообладателя на такой объект»¹⁶.

Однако все это, как и в случае с термином «собственность», следует признать, по меньшей мере, определенными неточностями, а то и вовсе недостаточно полными и содержательными определениями многостороннего, многопланового, многозначного понятия «интеллектуальная собственность», которое должно рассматриваться и анализироваться и в юридическом, и в экономическом, и в других значениях, но прежде всего именно в экономическом его значении. И тогда «интеллектуальная собственность», являющаяся

одной из разновидностей собственности как таковой, в экономическом плане — это сама принадлежность объекта интеллектуальной собственности его субъекту (когда речь идет об одном человеке) либо его субъектам (когда речь идет об обществе либо о человечестве в целом), а также сам процесс реализации этой интеллектуальной собственности. Это и есть тот самый личностно-социальный смысл интеллектуальной собственности в соответствии с ее реальной принадлежностью и практической реализацией, поскольку лишь только сама реализация в индивидуально-личностной и всемирно-общественной практике соответствующей интеллектуальной собственности и позволяет оценивать ее как данность и объект самой этой оценки на основе разрабатываемых в то или иное время юридических норм.

Таким образом, наиважнейшим в экономическом плане здесь является интеллектуальная собственность как вполне реальное достижение, материализующееся в тех или иных реальностях экономической жизни, прежде всего в производстве, обмене, распределении и потреблении конкретных товаров и услуг, будь то технические изобретения или научные, будь то объекты культуры, информационные продукты и услуги современной экономики знания.

Известное же современное юридическое, прежде всего, определение понятия «интеллектуальная собственность» вводится по существу формально-аксиоматическим путем в Стокгольмской Конвенции об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), принятой 14 июля 1967 г. (изменения в дальнейшем были внесены 28 сентября 1979 г.). Здесь об объектах интеллектуальной собственности говорится так, в соответствии со статьей 2 (2-А) Конвенции:

«Интеллектуальная собственность» включает права, относящиеся к:

- литературным, художественным и научным произведениям;
- исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам;
- изобретениям во всех областях человеческой деятельности;
- научным открытиям;
- промышленным образцам;
- товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям;
- защите против недобросовестной конкуренции;

¹⁴ Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2010. С. 287.

¹⁵ Рождественский Ю.В. Словарь терминов. М., 2003.

¹⁶ Аبلёзова О.В. Коммерческое использование интеллектуальной собственности в России и зарубежных странах. М., 2005.

— а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной области¹⁷.

Этому юридическому (формальному) определению интеллектуальной собственности, вовсе не сопоставляя его при этом с нормами действующего российского законодательства, ныне следуют некоторые из представителей современных гуманитарно-социальных дисциплин, особенно в общих своих рассуждениях. Однако в действующем российском законодательстве к настоящему времени выработаны вполне определенные законодательные юридические подходы, включающие также конкретную классификацию объектов интеллектуальной собственности. Между тем интеллектуальная собственность — это вид собственности, который переводит многие виды знаний из разряда общественных благ в разряд частных, к тому же в юридическом плане в законодательствах разных стран мира рассматривается неоднозначно.

Согласно действующему Гражданскому кодексу РФ объектами интеллектуальной собственности являются произведения науки, литературы и искусства, программы для электронных вычислительных машин (программы для ЭВМ), базы данных, исполнения, фонограммы, сообщение в эфир или по кабелю радио- или телепередач, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау), фирменные наименования, товарные знаки и знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, коммерческие обозначения. Защита интеллектуальной собственности в России основывается на нормах Гражданского кодекса РФ, а также на Законах «Об авторском праве и смежных правах», «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин», «О правовой охране топологий интегральных схем», «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» и др. В соответствии с действующим российским законодательством существуют авторские права на произведения науки, литературы и искусства, программы ЭВМ, базы данных (БД). Авторские права могут регистрироваться в виде фирменных наименований, товарных знаков,

знаков обслуживания и наименований мест происхождения товаров. Их можно оформить в соответствующих учреждениях как патенты на изобретения, промышленные образцы и полезные модели.

Защита прав на объекты интеллектуальной собственности осуществляется конкретно — практически на основе соответствующих норм авторского права, патентного права, информационного права и т.д.

Рынки объектов интеллектуальной собственности отличаются от рынков материальных продуктов. В случае продажи материального продукта все права переходят к новому владельцу. В случае продажи объекта интеллектуальной собственности, как правило, к покупателю переходит лишь часть прав, а основные права остаются за владельцем. В частности, он может заключить авторский договор на издание книги, продать патент или лицензию на использование изобретения. К прерогативе автора в условиях действия режима авторского права относятся такие действия, как разрешение или запрещение копирования произведения, распространения его копий, публичного исполнения. Если предприятие использует чужую интеллектуальную собственность, оно выплачивает ее собственнику вознаграждение (доход). Этот доход может принимать самые разные формы — авторского гонорара за книгу, паушального платежа или роялти за лицензию и пр. Объекты интеллектуальной собственности зачастую взаимодействуют, иногда удачно дополняя друг друга. В частности, это касается патента и бренда, когда новая техника выпускается под известным брендом.

Правовые средства защиты интеллектуальной собственности в основном защищают индивидуальное явное знание. В то же время под их защитой может оказаться и групповое, и неявное знание. Так, например, к средствам индивидуализации предприятий и производимой ими продукции относят обозначения, позволяющие отличать продукцию одних производителей от других. К ним причисляют фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания и т.п. Права на средства индивидуализации защищают репутацию, имидж продавца, корпоративную культуру, т.е. они защищают неявные групповые знания. Между тем, следует отметить, что многие современные нормы, определяющие взаимоотношения создателей объектов интеллектуальной собственности, требуют дальнейшего уточнения и совершенствования.

¹⁷ Цит. по: Бромберг Г.В., Лебедев С.А., Розов Б.С. Интеллектуальная собственность: вводный курс: учебное пособие. М., 2002. С. 12.

Резюмируя, следует подчеркнуть, что в условиях перехода к информационному обществу дальнейшее исследование теории, методологии методики, понятийного аппарата и инструментария науки, а в том числе разработка проблем ее концептуальной и понятийной определенности, в частности, в юридическом и экономическом контекстах, продолжают оставаться актуальными в контексте современного научного дискурса и практики.

Литература:

1. Аблѣзгова О.В. Коммерческое использование интеллектуальной собственности в России и зарубежных странах. М., 2005.
2. Барихин А.Б. Большой юридический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 581.
3. Борисов А.Б. Большой экономический словарь. М.: Книжный мир, 2010.
4. Борисов В.И., Ильюхов А.А. Словарь предпринимателя. М.: Экономика, 2004.
5. Бромберг Г.В., Лебедев С.А., Розов Б.С. Интеллектуальная собственность: вводный курс: учебное пособие. М., 2002. С. 12.
6. Краткий словарь по налогам. М.: Экономика, 1998.
7. Собственность в Древнем мире: юридический справочник. Пенза, 2004.
8. Рождественский Ю.В. Словарь терминов (Общественно-образовательный тезаурус): Общество. Семиотика. Экономика. Культура. М.: Издательство «Флинта»; Наука, 2002.
9. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. СПб., 2005.
10. Чичерин Б.Н. Философия собственности. СПб.: Наука, 1998.
11. Demset H. Toward a theory of property rights // American Economic Review. 1967. V. 57. № 2.

Правовое регулирование деятельности потребительской кооперации России в дореволюционный период

*Лысак Николай Васильевич,
профессор кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета Белгородского университета кооперации,
экономики и права, кандидат юридических наук
nvlisak@yandex.ru*

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования деятельности потребительской кооперации России в дореволюционный период.

Ключевые слова: кооперация, потребительская кооперация, правовое регулирование.

Legal Regulation of the Russian Consumer Cooperation Activity in the Pre-Revolutionary Period

*Lysak Nikolay V.,
Professor of the Criminal Law and Proceedings Department
of the Law Faculty of the Belgorod University of Cooperation
Economics and Law, Candidate of Legal Sciences*

The article examines the legal regulation of activities of consumer cooperatives in the prerevolutionary Russian period.

Key words: cooperation, consumer cooperatives, legal regulation.

Деятельность потребительских обществ в дореволюционной России строилась на основе уставов. Это объясняется тем, что в то время не было единого общероссийского кооперативного закона. Поэтому каждый по-

требительский кооператив принимал свой устав, учитывая западный опыт и общероссийскую кооперативную уставную практику. Вот что по этому поводу писал Н.П. Малицкий: «Наиболее характерным признаком

правового положения русской кооперации до революции нужно считать отсутствие какого-либо общего закона о кооперации. Закон не знал кооперации вообще. Он говорил об артелях, кредитных и судо-сберегательных товариществах, некоторых других видах кооперативных товариществ, но он не признавал ничего общего за этими организациями. Он стремился регулировать каждый их вид в отдельности, иногда без всякого к тому повода и без системы, а иногда сознательно, стремясь путем такого подразделения поставить разные виды кооперативов в различные условия в зависимости от тех мер административного воздействия, которые старая власть считала необходимыми по соображениям полицейского характера¹.

В стране в исследуемый период существовал концессионный (разрешительный) порядок открытия кооперативов², что, по мнению исследователей, значительно затрудняло образование потребительских обществ.

По выражению Н.П. Малицкого, «основным моментом, характеризующим этот разрешительный или концессионный порядок, являлось право администрации отказать в разрешении не только по основанию законным, но и по соображениям целесообразности»³.

Вопрос о том быть или не быть потребительскому обществу зарегистрированным, решался в Министерстве внутренних дел. На основании ст. 433 Устава об общественном презрении потребительские общества относились к категории благотворительных обществ, право утверждения которых принадлежало Министру внутренних дел⁴. Судя по сведениям отделения Министерства внутренних дел, в период с 1865 года до 24 марта 1894 года было утверждено 353 устава⁵.

По утверждению классиков кооперации, такой порядок настолько тормозил открытие новых обществ, что у лиц, желающих открыть

общество, пропадала всякая охота⁶. Нередко вопросы утверждения уставов решались годами⁷. Конечно, такое положение не устраивало кооператоров, и они стали совместными усилиями разрабатывать приемлемый для них нормальный устав потребительского общества и добиваться изменения порядка его утверждения, чтобы облегчить создание новых кооперативов. В 1896 году в Нижнем Новгороде, где ежегодно проводились Всероссийские ярмарки, состоялась торгово-промышленный съезд.

На этом съезде была создана комиссия из представителей 28 потребительских обществ и 9 от других видов кооперации, которая разработала проект типового устава потребительского общества и представила его на утверждение в Министерство внутренних дел.

13 мая 1897 года Нормальный Устав потребительских обществ был утвержден Министерством внутренних дел России. По сути, этот устав был общекооперативным законом для потребительских обществ. Все уставы, разработанные кооперативами, должны были соответствовать Нормальному Уставу потребительских обществ. Отступления от типового устава допускались впредь не иначе, как с особого всякий раз разрешения Министра внутренних дел⁸. Право разрешать существование тому или иному потребительскому обществу было предоставлено губернатору, который обладал правом и закрывать их. Однако, утверждая устав кооператива, губернатор должен был ставить в известность об этом Министра внутренних дел.

В Нормальном Уставе была прописана цель создания потребительских обществ. Общества потребителей (потребительные общества) могли создаваться только с целью доставления своим членам по возможно низкой цене или по умеренным рыночным ценам различных предметов потребления и домашнего обихода, и предоставления своим членам возможности из прибылей от операций общества делать сбережения⁹.

Из сказанного следовало, что основной целью создания потребительских обществ в России было удовлетворение материальных потребностей членов таких обществ. Только в их интересах должна была осуществляться

¹ См.: Малицкий Н.П. Кооперативное законодательство. 1-е изд. Прага. 1924. С. 24.

² Разрешительный порядок утверждения уставов обществ потребителей существовал до июня 1915 года. После этого, постановлением Совета министров был введен явочный порядок учреждения потребительных обществ, возникающих по образцовым уставам. См.: Малицкий Н.П. Указ. соч. С. 29.

³ См.: Там же. С. 24.

⁴ См.: Кулишер И.М. Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. СПб., 1906. С. 317.

⁵ См.: Озеров И. Общества потребителей. Исторический очерк их развития в Западной Европе, Америке и России. 2-е изд. СПб., 1899. С. 141.

⁶ См.: Кулишер И.М. Указ. соч. С. 317.

⁷ См.: Болотова Е.Ю. «В единении — сила» Потребительская кооперация в России в конце XIX — начала XX в.: монография. Волгоград: Перемена. 2003. С. 125.

⁸ Там же. С. 126.

⁹ См.: Озеров И. Указ. соч. С. 291.

ся деятельность потребительских кооперативов.

Управление делами общества строилось на демократической основе. Высшим органом управления являлось собрание, на котором избирались: совет (или наблюдательный комитет) по мере необходимости, члены правления, ревизионная комиссия. Из числа членов правления избирался председатель (управляющий), а также казначей и секретарь. Должности казначея и секретаря могли быть совмещены в одном лице. Правление, в котором каждый его член имел определенные направления деятельности, распоряжалось всеми делами общества и его капиталами. Каждый член общества при вступлении обязательно платил вступительный взнос и пай. Все органы управления обществом были подотчетны общему собранию. Ревизионные комиссии осуществляли контроль за финансово-хозяйственной деятельностью.

В основе деятельности потребительских обществ лежали такие принципы, как: добровольное и открытое членство, равноправие, демократичность, экономическое участие, самоуправление. Безусловно, что принятие Нормального Устава послужило дальнейшему развитию кооперативного движения в России. В кооперативной литературе дореволюционного периода отмечается, что в течение шестилетнего периода со времени введения более упрощенного порядка учреждения потребительских товариществ число утвержденных коопераций этого рода возросло в три раза с 307 до 930¹⁰.

Однако не все теоретики кооперации считали вновь принятый образцовый Устав удобным для всех обществ¹¹. Во-первых, потребительские общества по-прежнему рассматривались правительством как благотворительные учреждения. Во-вторых, когда возникали проблемы с оборотом капиталов и для их решения требовались отступления от устава, надо было получить на это согласие Министерства внутренних дел, а это могло затянуться на длительное время. В-третьих, не устраивал и разрешительный порядок утверждения уставов. И, в-четвертых, усиливался надзор полиции за деятельностью обществ. Например, в уставе было записано, что губернатор и Министерство внутренних дел могли предложить рассмотреть на собрании потребительного общества и вопросы, являющиеся предметом их интереса. Правление общества перед собранием должно было поставить в известность начальника мест-

ной полиции о месте, времени проведения собрания и вопросах, подлежащих рассмотрению на нем¹².

Чем же был вызван такой интерес полиции к деятельности потребительских обществ? Прежде всего тем, что правительство опасалось, что потребительские общества, особенно быстро возраставшие количественно рабочие кооперативы, могли выйти из-под контроля и содействовать общественно-политической организации населения, росту оппозиционных настроений. Эти опасения и нашли отражение в Нормальном Уставе потребительских обществ¹³.

В жандармском ведомстве велся не только количественный учет потребительских обществ, но и учет каждого члена общества. Показательно в этом плане дело за 1912 год Курского губернского жандармского управления со списками обществ, товариществ и союзов, существовавших в Курской губернии. В деле указывается порядковый номер, место нахождения учреждений, характер деятельности учреждений, сведения о степени политической благонадежности учредителей. Например, в деле есть такая запись: Общество потребителей Московско-Киево-Воронежской железной дороги, г. Курск и далее, преследует цели, указанные в уставе¹⁴.

Когда стали разбирать дела бывшего охранного отделения в Москве, то участники были поражены масштабами политического сыска. Общее количество карточек лиц, заподозренных, состоявших под наблюдением, определялся в целый миллион.

При этом было установлено, что все участники, все работники потребительских обществ состояли на учете охраны. В одном из донесений — по поводу попытки рабочих создать потребительное общество — определено указывалось, что всех членов необходимо взять под наблюдение, ибо кооперативное движение «является одним из обходных способов использовать легальные возможности»¹⁵.

Нередко возникали ситуации, когда работники жандармерии бесцеремонно вры-

¹⁰ См.: Кулишер И.М. Указ. соч. С. 318.

¹¹ Там же. С. 318–319.

¹² См.: Зельгейм В. Организация и практика потребительных обществ в России. 2-е изд. Всероссийского Центрального союза потребительных обществ. М.: 1918. С. 22.

¹³ Корелин А.П. Кооперативное законодательство в России и Западный опыт // Отечественная история. 1996. № 2. С. 185.

¹⁴ См.: Фонд Курского Губернского жандармского управления // ГАКО. Ф. 1642. Оп. I. Д. 634. Л. 9.

¹⁵ См.: Кооперативное дело под охранным надзором // Союз потребителей. 1917. № 9–10. С. 7–8.

вались в помещения, где проходили заседания, правлений и учиняли обыски в помещениях и досмотры в отношении участников.

Так, подверглись аресту члены правления потребительного общества «Труженник» в Иркутске (насчитывающего свыше четырех тысяч членов). На правлении решался вопрос о мясной торговле и видах борьбы с повышенными ценами, установленными местными мясоторговцами. В это время и явились представители жандармерии и городской полиции. Они произвели обыск и просмотр дел правления, а также обыск всех присутствующих. Длительный в течение шести часов обыск и личное задержание членов правления не дали никаких результатов. Причины обыска сообщены не были. Вмешательство полиции во внутреннюю жизнь кооператива при столь необычных условиях вызвало недоумение среди членов правления¹⁶.

В то же время в условиях роста кооперативного движения все настойчивее на повестку дня выдвигался вопрос о создании в стране единого общекрепостного закона. Начало этому процессу было положено на Московском кооперативном съезде в 1908 году.

Участники этого съезда категорически отвергли разрешительный порядок учреждения кооперативов и существующие образцовые Уставы, которые ограничивали самостоятельность кооперативов. На съезде было принято решение создать рабочую комиссию и приступить к разработке общероссийского кооперативного закона.

Разработанный текст закона рассматривался и дорабатывался на последующих кооперативных съездах в Петербурге в 1912 году и в Киеве в 1913 году. В 1915 году проект закона был внесен в Государственную Думу. Однако власти всячески противились его принятию, поскольку боялись развития кооперативного движения в стране.

По этому поводу известный теоретик кооперации А.Н. Анциферов писал: «Старый режим боялся, и со своей точки зрения вполне основательно, развития свободной кооперации. Поэтому кооперативное движение с самого начала было взято под подозрение и под опеку; поэтому его единое русло было искусственно разделено на отдельные, слабые ручейки, протекавшие в пределах владений разных «ведомств»; поэтому оно нормировалось различными законами и административными распоряжениями; поэтому старая

власть до конца противилась изданию единого кооперативного закона»¹⁷.

И пока шел процесс рассмотрения кооперативного закона, правительство в спешном порядке разрабатывало «сепаратные законы для потребительской кооперации и трудовых артелей с целью превратить их (наподобие кредитных кооперативов) в опекаемые товарищества, т.е. субсидированные, а значит, и контролируемые не только в сфере расходования выдаваемых по решению правительства денежных средств, но фактически и во всей деятельности кооперативов данных видов»¹⁸.

Но все попытки склонить кооператоров к принятию этих законов оказались неудачными. Представители потребительских обществ и трудовых артелей, с которыми правительство вело переговоры, не желали иметь законы, направленные на лишение их самостоятельности.

В конечном счете, правительство после Февральской революции вынуждено было пойти на уступки кооперативной общественности, и 20 марта 1917 года Закон о кооперации, получивший официальное название «Положение о кооперативных товариществах и их союзах», был принят. Позднее, 21 июня 1917 года, Временным правительством был принят Закон «О регистрации товариществ, обществ и союзов» и 1 августа 1917 года Закон «О съездах представителей кооперативных учреждений»¹⁹.

Новый общекрепостной закон призван был регулировать деятельность всех видов кооперации, но при этом «не стесняя их свободы излишними формальностями»²⁰. Кооператоры добились явочного порядка открытия кооперативных товариществ, права объединяться в союзы, права на осуществление широкой культурно-просветительной работы.

Цель деятельности кооперативных товариществ заключалась в «содействии материальному и духовному благосостоянию своих членов посредством совместной организации разного рода хозяйственных предприя-

¹⁶ См.: Раздел: Кооперация и администрация // Кооперативная жизнь. 1916. № 20. С. 946.

¹⁷ См.: Анциферов А.Н. Новый кооперативный закон и ближайшие задачи русской кооперации. М.: Издательство «Народная свобода», 1917. С. 3.

¹⁸ См.: Кулаков В.В. Закон 20 марта 1917 г. «О кооперации» и его место в истории кооперативного права в России // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 125.

¹⁹ См.: Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. М., 1917. 44 с.

²⁰ См.: Кулаков В.В. Указ. соч. С. 129.

тий или труда своих членов»²¹. В том и проявлялась уникальность кооперации, что в основу деятельности был положен принцип обеспечения благосостояния своих членов, а не получение прибыли. Этой цели сегодня следует и современная потребительская кооперация России. По большому счету, это ее природное свойство, ибо она родилась для этих целей, и любое вольное изменение ее истинной природы приведет к ее гибели.

По новому закону исключалась возможность закрытия того или иного кооператива решением администрации власти или даже суда. Поэтому следует согласиться с мнением В.В. Кулакова, что «Закон о кооперации 1917 года стал важным правовым средством защиты кооперативного движения от административного произвола. Он обеспечил право на свободное открытие и независимое существование кооперативов, стал (хотя и не в полной мере) юридическим мерилом подлинной кооперативности того или иного товарищества, гарантировал главные начала кооперации — самостоятельность, самоуправление, самопомощь и самоответственность»²².

Законом отменялись образцовые Уставы, и кооперативы могли осуществлять свою деятельность на основе разработанных примерных Уставов. Кооперативные товарищества получали право создаваться либо на основании устава, либо договора. В первом случае, со дня внесения их в реестр они признавались юридическими лицами, во втором случае — это исключалось. В Законе были прописаны и другие прогрессивные положения, способствующие развитию кооперативного движения. В кооперативной литературе отмечается, что при разработке и принятии кооперативного закона, в основном, учитывался опыт и интересы потребительской кооперации, поскольку она была одной из ведущих в стране²³. Безусловно, потребительская кооперация в своем развитии превзошла все другие виды кооперации, она стала самой востребованной среди населения России и, как уже ранее отмечалось, действительно превратилась в народное движение. Отсюда и был востребован ее опыт и учтены ее интересы. Однако кооператорам так и не пришлось строить свою деятельность по новому кооперативному закону. Октябрьские события 1917 года кардинальным образом изменили общественно-политический строй

России. На смену капитализму пришел социализм. Большевики, пришедшие к власти, стали рассматривать кооперативный аппарат как один из органов советской власти, и кооперация на долгие годы была лишена свободы и независимости.

Таким образом, потребительские общества в России были разобщены, у них не было единой правовой основы. Каждое общество разрабатывало свой устав, учитывая при этом кооперативную уставную практику, как российскую, так и западных стран.

Долгое время в России существовал разрешительный порядок открытия кооперативов, что существенно затрудняло их образование. Бюрократический подход к решению вопросов, касающихся интересов кооперации, нередко на долгие годы затягивал процесс открытия кооперативов. И только с принятием Нормального Устава потребительских обществ, ситуация несколько улучшилась.

По своей природе потребительские общества относились к частным организациям и в своей деятельности руководствовались частными интересами, интересами объединяемых ими лиц. Однако эти интересы органически вписывались и в интересы государства, так как эти общества вносили свой вклад в улучшение материального благосостояния определенной части российского общества, а в целом и в развитие экономики страны. Но тем не менее правительство необоснованно, на наш взгляд, относило потребительские кооперативы к благотворительным учреждениям. Такой статус этих обществ во многом ограничивал их возможности в правовой защите своих интересов, в том числе и в уголовно-правовой сфере, и, в частности, от различных злоупотреблений своих же служащих.

Литература:

1. Анциферов А.Н. Новый кооперативный закон и ближайшие задачи русской кооперации. М.: Изда-во «Народная свобода», 1917. 22 с.
2. Болотова Е.Ю. «В единении — сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX — начала XX в.: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 330 с.
3. Зельгейм В. Организация и практика потребительных обществ в России. 2-е изд. Всероссийского Центрального союза потребительных обществ. М., 1918. 204 с.
4. Кооперативное дело под охранным надзором // Союз потребителей. 1917. № 9. 10. С. 7–8.
5. Кооперация и администрация // Кооперативная жизнь. 1916. № 20. С. 946.
6. Корелин А.П. Кооперативное законодательство в России и Западный опыт. // Отечественная история. 1996. № 2. С. 180–189.

²¹ Сборник Постановлений Временного Правительства по кооперации. С. 3.

²² См.: Кулаков В.В. Указ. соч. С. 129.

²³ Там же. С. 129.

- Кулаков В.В. Закон 20 марта 1917 г. «О кооперации» и его место в истории кооперативного права в России // Советское государство и право. 1990. №10. С. 123–129.
- Кулишер И.М. Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. СПб., 1906. 354 с.
- Малицкий Н.П. Кооперативное законодательство. 1-е изд. Прага, 1924. 104 с.
- Озеров И. Общества потребителей. Исторический очерк их развития в Западной Европе, Америке и России. 2-е изд. СПб., 1899. 327 с.
- Разрешительный порядок утверждения уставов обществ потребителей существовал до июня 1915 года. После этого постановлением Совета министров был введен явочный порядок учреждения потребительных обществ, возникающих по образцовым уставам. См.: Малицкий Н.П. Указ. соч. С. 29.
- Сборник постановлений Временного правительства по кооперации. М., 1917. 44 с.
- Фонд Курского Губернского жандармского управления / ГАКО. Ф. 1642. Оп. I. Д. 634. Л. 9.

Исторические аспекты развития авторского права в советский период

*Антонова Александра Викторовна,
ведущий научный сотрудник Научно-методического центра
«Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам
интеллектуальной собственности» Высшей школы экономики,
кандидат юридических наук
1234580@inbox.ru*

Развитие авторского права в России отличается значительным своеобразием по сравнению с историей авторского права западноевропейских стран. А советский период, который сопровождался коренной ломкой царского законодательства и последующим продолжительным восстановлением, особенно интересен.

Ключевые слова: авторское право, история, закон, СССР.

Historical Aspects of Copyright in the Soviet Period

*Antonova Alexandra V.,
Leading Research Scientist of the Scientific and Methodical Center
“UNESCO Department for Copyright and Other Rights of Intellectual Property”
of the National Research University “Higher School of Economics”,
Candidate of Legal Sciences*

The development of copyright in Russia has a number of significant features and differs considerably from the history of copyright of Western European countries.

Key words: copyright, history, law, USSR.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. не внесла каких-либо существенных изменений в авторское законодательство царской России, поскольку начатые Временным правительством масштабные законопроектные работы были прерваны в октябре 1917 г.¹

Сразу же после Октябрьской революции прежнее гражданское законодательство России, включая и Закон об авторском праве 1911 г., было отменено. Правоотношения в сфере авторского права регулировались Декретами ЦИКа и постановлениями Совета Народных Комиссаров, изданными в 1917 (О государственном издательстве)², 1918 (О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведе-

¹ Ромашов Р.А. Февральская революция 1917 г. как фактор трансформации российской государственности // История государства и права. 2007. № 23. С. 22.

² Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 14. Ст. 201.

дений государственным состоянием)³, 1925 (Основы авторского права)⁴ и 1928 (Закон РСФСР «Об авторском праве»)⁵ годах, а также постановлением СНК Союзных республик.

В отличие от декретов Великой французской революции, которые повысили уровень охраны прав авторов, декреты советской власти существенно ограничили права авторов по сравнению с Законом Российской империи об авторском праве 1911 года. Дух декретов советской власти во многом соответствовал идеологии российского законодательства об авторском праве, которое вышло из недр Цензурного устава Российской империи⁶.

Первым советским законом в рассматриваемой области был Декрет ЦИК от 29 декабря 1917 г. «О государственном издательстве»⁷. В соответствии с данным актом Народной комиссией по просвещению было предложено немедленно приступить к широкой издательской деятельности и, учитывая книжный голод в стране, выпустить в первую очередь дешевые издания русских классиков. Декрет предоставил комиссии право объявлять государственную монополию сроком не более чем на 5 лет на сочинения, подлежащие изданию. При этом объяснялось, что эти произведения переходят таким образом «из области частной собственности в область общественную». На практике указанные действия были осуществлены в отношении произведений 23 русских писателей, уже умерших к этому времени.

В соответствии с Декретом СНК «О научных, литературных, музыкальных и художественных произведениях» от 26 ноября 1918 г. любое произведение могло быть признано достоянием республики, хотя при всяком издании даже объявленного достоянием республики произведения автору мог выдаваться гонорар, а в случае смерти автора его нуждающиеся и нетрудоспособные родственники имели право на получение материальной помощи через губернские отделы социального обеспечения в размере прожиточного уровня. Декрет по существу ликвидировал имущественные права авторов.

Право наследников умерших авторов, по общему правилу, не признавались, что со-

гласовывалось с Декретом СНК от 28 апреля 1918 г. «Об отмене наследования»⁸. Правда, наследникам гарантировалось содержание в размере прожиточного минимума, хотя ни круг наследников, ни срок действия наследственных прав не оговаривались.

На основании Декрета «О научных, литературных, музыкальных и художественных произведениях» в 1919 году были признаны достоянием РСФСР все произведения 17 русских авторов, в том числе произведения А. Бородина, П. Чайковского, М. Мусоргского, П. Римского-Корсакова, А. Скрябина, А. Рубинштейна⁹. В 1923 году были национализированы произведения еще 47 русских авторов, в том числе произведения Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.Н. Островского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова¹⁰. В постановлении заявлялось, что «наследники произведений национализированных авторов вознаграждаются согласно существующим законам». В 1925 году достоянием РСФСР были признаны все переводы на русский язык произведений Э. Синклера¹¹ и все произведения Г.В. Плеханова¹².

Из числа актов, принятых в тот же период, следует отметить также Декрет от 10 октября 1919 г. «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства»¹³, который объявил недействительными все договора издательств с авторами, по которым произведения перешли в полную собственность издательств. Было установлено, что впредь издательства могут приобретать у авторов только право на издание произведения, причем на ограниченный издательским договором срок.

Таким образом, авторское право периода «военного коммунизма» характеризовалось коренной ломкой прежнего авторского права и попытками внедрить в рассматриваемую сферу нормы, согласующиеся с большевистскими взглядами¹⁴.

Следующий этап развития российского авторского права в советский период связан с действием Основ авторского права 1925 и

⁸ СУ РСФСР. 1918. № 34. Ст. 456.

⁹ СУ РСФСР. 1919. № 42. Ст. 414.

¹⁰ СУ РСФСР. 1923. № 16. Ст. 213.

¹¹ СУ РСФСР. 1925. № 45. Ст. 336.

¹² СУ РСФСР. 1925. № 43. Ст. 309.

¹³ СЗ РСФСР. 1919. № 51. Ст. 429.

¹⁴ Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001. С. 38.

³ СУ РСФСР. 1918. № 86. Ст. 900.

⁴ СУ РСФСР. 1925. № 7. Ст. 67.

⁵ СУ РСФСР. 1928. № 132. Ст. 861.

⁶ Судариков С.А. Основы авторского права. Минск: Амалфея, 2000. С. 46.

⁷ СУ РСФСР. 1918. № 14. Ст. 201.

1928 г.¹⁵, а также принятого в их развитие Закона РСФСР «Об авторском праве» от 8 октября 1928 г.¹⁶ Указанные акты хотя и предусматривали возможность принудительного выкупа авторского права на всякое произведение по решению Правительства СССР или союзной республики, однако рассматривали это как исключительную меру, которая на практике почти не применялась. За всеми авторами признавалось исключительное право на созданные ими произведения, которое по Закону 1925 г. имело силу в течение 25 лет с момента первого издания или первого публичного исполнения произведения, а с 1928 г. стало в отношении большинства произведений пожизненным правом автора. Предусматривался и переход авторских прав к наследникам на период 15 лет после смерти автора. Использование произведений допускалось не иначе как на основе договоров с авторами, условия которых достаточно детально регулировались законом. Закон устанавливал твердые ставки авторского гонорара за публичное исполнение произведений в концертах, цирковых и тому подобных сборных программах. Установлены были также ставки гонораров авторам сценариев и композиторам за демонстрацию кинофильмов в кинотеатрах и музыкальное сопровождение кинофильмов. Вместе с тем Основы авторского права содержали весьма обширный перечень случаев свободного использования произведений. Так, не считались нарушениями авторского права перевод произведения на другой язык; использование чужого произведения для создания нового произведения, существенно от него отличающегося; публичное исполнение чужих опубликованных произведений с выплатой автору гонорара и др.

Таким образом, Основы авторского права и Закон РСФСР «Об авторском праве» вполне отвечали духу своего времени. Конечно, круг предоставляемых советским авторам прав не шел ни в какое сравнение с правами, которые гарантировались авторам государств — участниц Бернской конвенции. Однако по сравнению с периодом «военного коммунизма» данный этап следует рассматривать как период постепенного восстановления и расширения охраны авторских прав. Юридико-технические качества Основ 1928 г. были достаточно высоки: не случайно многие их правила были перенесены практически без изменений в последующее законодательство.

¹⁵ СУ РСФСР. 1925. № 7. Ст. 67; 1928. № 27. Ст. 246.

¹⁶ СУ РСФСР. 1928. № 132. Ст. 861.

Коренные изменения произошли и с обществами по защите прав и интересов авторов. Существовавшие в СССР на тот момент две организации — московское и ленинградское отделения разделившегося в 1904 г. Общества русских драматических писателей и оперных композиторов (ОРДП и ОК) не могли продолжать действовать в прежних формах. И в 1930 г. эти оба общества вновь объединились во Всесоюзное общество драматургов и композиторов. В 1933 г. Общество было переименовано в Управление по охране авторских прав (УОАП) при Союзе писателей. В 1934 г. было создано Управление по охране авторских прав при Союзе художников. А в 1938 г. образовано Всесоюзное управление по охране авторских прав (ВУОАП), в которое влились подобные организации Украины, Белоруссии, республик Закавказья и Средней Азии. ВУОАП осуществляло отчисления для Литературного, Музыкального и Журналистского фондов СССР¹⁷.

В 1973 г. на базе всех этих организаций было создано Всесоюзное агентство по авторским правам (ВААП), которое просуществовало до 1991 года. Целью деятельности ВААП было обеспечение соблюдения авторских прав советских и иностранных авторов и их правопреемников при использовании произведений науки, литературы и искусства на территории СССР, а также советских авторов и их правопреемников при использовании произведений за рубежом.

Однако вернемся немного назад. В начале 60-х годов в ходе проводившейся в тот период кодификации законодательства было решено включить законодательство об авторском праве в качестве самостоятельного раздела в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и в гражданские кодексы союзных республик. В этой связи ранее действовавшие нормы авторского права были существенно пересмотрены в направлении дальнейшего расширения прав авторов, укрепления их позиций в отношениях с организациями, использующими их произведения, некоторого сокращения перечня изъятий из авторского права и т.д.

В 1961 г. Законом СССР от 8 декабря «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик»¹⁸ были приняты Основы граж-

¹⁷ Вишневецкий Л.М., Иванов Б.И., Левин А.Г. Формула приоритета: возникновение и развитие авторского и патентного права. Л.: Наука, 1990. С. 159, 160.

¹⁸ Об утверждении основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик

данского законодательства Союза ССР и союзных республик, которые были введены в действие с 1 мая 1962 г. Авторскому праву был посвящен раздел IV.

Основы распространили авторское право на произведения науки, литературы или искусства независимо от формы, назначения и достоинства произведения, а также от способа его воспроизведения. Автору принадлежали право на опубликование, воспроизведение и распространение своего произведения всеми дозволенными законом способами под своим именем, под условным именем (псевдоним) или без обозначения имени (анонимно); право на неприкосновенность произведения; право на получение вознаграждения за использование произведения другими лицами, кроме случаев, указанных в законе.

Исходя из Основ, был принят Гражданский кодекс РСФСР¹⁹ (далее — ГК РСФСР 1964 года), который был введен в действие с 1 октября 1964 г.

В 1973 г., когда Советский Союз стал участником Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве 1952 г., в советском законодательстве было впервые закреплено право автора на перевод произведения, до 25 лет возрос срок действия авторского права после смерти автора, расширен круг субъектов авторского права и т.д. Внесенные изменения получили широкую поддержку творческой интеллигенции и ученых. Подавляющее большинство специалистов, начиная с конца 70-х годов, высказывалось за необходимость дальнейшего сближения советского авторского права с принципами регулирования авторских отношений в большинстве развитых стран. В этих целях предлагалось привести авторское законодательство в соответствие с требованиями основных международных конвенций, в частности, устранить из него такие случаи свободного использования произведений, как их использование в кино, на телевидении, радио и т.д. О своем желании и готовности подписать Бернскую конвенцию и Парижскую редакцию Женевской конвенции не раз заявляло Правительство СССР. С учетом того, что данный вопрос считался уже в принципе решенным, был разработан раздел «Авторское право» Основ гражданского законодательства Союза ССР и респу-

блик, принятых Верховным Советом СССР 31 мая 1991 г.²⁰

Основы гражданского законодательства 1991 г. исключили свободное использование произведений в кино, на радио и телевидении, а также публичное исполнение опубликованных произведений без согласия их авторов расширили круг охраняемых произведений, продлили срок действия авторского права до 50 лет после смерти автора, впервые ввели охрану так называемых «смежных» прав и т.п. Эти и иные нововведения Основ получили широкую поддержку специалистов по авторскому праву. Планировалось, что положения Основ гражданского законодательства будут развиты в соответствующих разделах гражданских кодексов республик или в специальных законах об авторском праве, проекты которых уже разрабатывались в ряде республик.

Основы гражданского законодательства 1991 г. должны были вступить в действие с 1 января 1992 г., однако в связи с распадом Советского Союза, окончательно оформившимся в декабре 1991 г., этого не произошло. В новых условиях некоторые независимые государства — субъекты бывшего СССР, учитывая, что их гражданские кодексы в значительной степени устарели, приняли решение о применении Основ гражданского законодательства на своей территории. В Российской Федерации Основы гражданского законодательства вступили в силу 3 августа 1992 г. в соответствии с постановлением Верховного Совета РФ от 14 июля 1992 г. «О регулировании гражданских правоотношений в период проведения экономической реформы»²¹.

Параллельно развернулась работа по подготовке специальных законодательных актов, посвященных регулированию авторских правоотношений.

Однако об этом в следующей статье.

Литература:

1. Собрание Узаконений РСФСР, 1918 г., 1919 г., 1923 г., 1924 г., 1925 г. // СПС «Консультант-Плюс».
2. Вишневецкий Л.М., Иванов Б.И., Левин Л.Г. Формула приоритета: возникновение и развитие авторского и патентного права. Л.: Наука, 1990.

(ред. от 6 декабря 1961 г.) // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁹ Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г.) (ред. от 26 ноября 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) (ред. от 26 ноября 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1800.

3. Ромашов Р.А. Февральская революция 1917 г. как фактор трансформации российской государственности // История государства и права. 2007. № 23. С. 22–24.
4. Свечникова И.В. Авторское право. М.: Издат-во: Дашков и Ко, 2009.
5. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ПБОЮЛ Гриженко Е.М., 2001.
6. Судариков С.А. Основы авторского права. Минск: Амаффея, 2000.

Источники избирательного права перестроечного периода 1985–1993 гг.: этапы развития и классификация

*Тарабан Николай Александрович,
аспирант кафедры теории государства и права
факультета экономики, управления и права
Ростовского государственного университета путей сообщения
nick-nt@mail.ru*

В статье автором представлена классификация источников избирательного права перестроечного периода 1985–1993 годов. Рассматривается правовое регулирование избирательного процесса в Союзе ССР и РСФСР непосредственно нормами Конституций СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г., избирательные законы, прослежены основные новеллы, связанные с их трансформацией, а также оценивается роль «указного права» начала 90-х годов в регулировании выборов Государственной Думы первого созыва.

Ключевые слова: избирательное право, источник права, перестроечный период, Конституция СССР, избирательные законы, «указное право».

Sources of the Voting Right of the Perestroika Period 1985–1993: Development Stages and Classification

*Taraban Nikolay A.,
Postgraduate Student of the State and Law Theory Department
of the Faculty of Economics, Management and Law
of the Rostov State Transport University*

In the article the author presents a classification of sources suffrage perestroika period 1985–1993 years. We consider the legal regulation of the electoral process in the USSR and RSFSR directly norms of the Constitution of the USSR and the RSFSR in 1977, 1978, election laws, traced the main novels related to their transformation, as well as assess the role of law decrees of the early 90-ies in the regulation of the State Duma elections first convocation.

Key words: suffrage, a source of law, the perestroika period, the Constitution of the USSR, electoral laws, law decrees.

Избирательное право занимает одно из ведущих положений в системе конституционного права, являясь его важнейшей подотраслью. Особая важность правового регулирования выборов заключается в его непосредственном влиянии на формирование высших властных институтов государства. Перестроечный период 1985–1993 годов связан с коренным изменением конституционных основ государственно-поли-

тического устройства Союза ССР, а впоследствии и России. Перестроечный этап СССР сыграл роль «моста» от социалистического однопартийного государственного устройства к современному конституционному строю с развитой многопартийной политической системой. Изучение избирательного права данного периода невозможно рассматривать в разрыве от эволюционной трансформации его источников.

Традиционно под источником права принято понимать формально определенный правотворческий акт. Как указывает С.С. Алексеев, объективированный в документальном виде акт правотворчества является юридическим источником соответствующих юридических норм и одновременно формой их официального бытия¹.

В целом данный подход к пониманию категории «источника права» не встречает противоречий и в зарубежной литературе. Так, английским теоретиком права К. Элленом источник права определяется как результат деятельности, посредством которой нормы поведения приобретают характер права, становясь объективно определенными, постоянными и, прежде всего, обязательными².

Несмотря на некоторые попытки некоторых авторов конца 60-х годов прошлого столетия, например, С.Л. Зивса и А.В. Щербакова заменить понятие «источник права» категорией «форма права»³, категория «источник права» укоренилась в современной науке более прочно. Достаточно верное суждение в этой связи высказано И.А. Иванниковым, полагающим, что формы и источники права выступают способами объективизации (официального выражения) правовых норм в целях придания им общеобязательной юридической силы⁴.

С.В. Юсов определяет источники избирательного права как нормативно-правовые акты разных уровней, регулирующие отношения по поводу организации выборов и реализации избирательных прав граждан Российской Федерации, а также международные договоры Российской Федерации, содержащие нормы, касающиеся избирательных прав и демократических процедур проведения выборов⁵.

Степень изученности проблемы интерпретации источников права исследуемого периода определена в трудах видных историков-конституционалистов России И.А. Исаева, Ю.П. Титова, О.И. Чистякова, М.В. Баглая, С.А. Авакьяна, а также теоретиков и практиков избирательного права и процес-

са, рассматривавших проблемы становления и реформирования избирательных систем в России: Н.С. Бондаря, А.А. Вешнякова, А.В. Иванченко, С.Д. Князева, А.Е. Постникова и ряда других исследователей, которые оценивали вклад реформ перестроечного периода в развитие современного законодательства о выборах. С одной стороны, сформировавшая на данном этапе историко-правовых исследований богатая теоретико-методологическая база свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблемы, с другой же стороны, современные реалии общественно-политической жизни страны вновь требуют научного анализа и осмысления проблем трансформации избирательного законодательства в перестроечный период 80–90-х годов прошлого столетия.

Конституция Союза ССР, являясь ядром той национальной правовой системы, содержала основополагающие нормы, которые имели высшую юридическую силу, прямое действие и применялись на всей территории Союза (ст. 137 Конституции СССР). Все законы и иные акты государственных органов издавались на основе и в соответствии с Конституцией СССР⁶.

Основные фундаментальные принципы избирательного права находили свое выражение в ст. 2, 48, 91, 109, 127.1 Конституции Союза ССР, кроме того, конституционному регулированию избирательного процесса в СССР посвящалась отдельная гл. 13 советской Конституции.

Существованием гл. 13 Конституции Союза ССР объяснялось, в частности, отсутствие единого союзного рамочного закона, регулирующего процессуальные основы реализации гражданами активных и пассивных прав, каковым в настоящее время является Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Конституционные принципы регулирования избирательного процесса подвергались эволюции на фоне общей трансформации иных конституционных основ государственного строя в рамках реформ перестроечного периода.

Так, первая редакция конституции СССР от 7 октября 1977 года декларировала Союз ССР как социалистическое общенарод-

¹ Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Проспект, 2008.

² Ellen K. The problem of interpretation law. London, 2002 y.

³ Зивс С.Л. Источники права. М., 1982.

⁴ Иванников И.А. Концепция правовой культуры // Правоведение. 1998. № 3.

⁵ Юсов С.В. Юридическое обеспечение федеральных и региональных выборов. Ростов н/Д: Феникс, 2014. С. 29–30.

⁶ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята ВС СССР 7 октября 1977 г. (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

ное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны. Вся власть в СССР принадлежала народу (ст. 2). Народ осуществлял государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР (представительная демократия). Все другие государственные органы признавались подконтрольными и подотчетными Советам народных депутатов.

Следует отметить урегулирование рамочных процессуальных условий избирательного процесса в гл. 13 Конституции Союза ССР, установление ряда избирательных стандартов, таких как: всеобщность, равенство, прямое избирательное право, тайна голосования (ст. 95), возрастной ценз для субъектов активного избирательного права и пассивного избирательного права. Устанавливался в Конституции и круг субъектов уполномоченных на выдвижение кандидатов в депутаты Советов (ст. 100), устанавливалась мажоритарная избирательная система по избирательным округам (ст. 101).

К числу других новелл модернизации избирательной системы по Конституции Союза ССР в ее первоначальной редакции И.А. Честнов и В.Д. Гонштейн отмечают установление принципа свободных выборов. Часть вторая ст. 100 гарантировала гражданам СССР и общественным организациям право на свободное и всестороннее обсуждение политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты, а также предоставляла право агитации на собраниях, в печати, по телевидению и радио⁷.

Конституцию Союза ССР 1977 года как фундаментальный источник избирательного права трудно рассматривать в разрыве от конституций союзных республик, в частности, Конституции РСФСР, которая воспроизводила основные принципы избирательного права.

Изложенное позволяет сделать вывод, что именно на конституционном уровне происходило:

- установление выборов как конституционно-политического института в Советском Союзе;

- установление основных рамочных национальных избирательных стандартов, имманентных всем избирательным кампаниям, проводившимся в СССР;

⁷ Честнов И.А. Актуальные проблемы теории государства и права: диалогическая природа государства и его место в политической системе общества. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2007. 64 с.

- определение круга субъектов избирательного процесса общегосударственного уровня;

- определение периодичности выборов общегосударственного уровня путем установления сроков полномочий выборных должностных лиц;

- выполнение роли фундамента для принятия иных избирательных законов и нормативно-правовых актов о выборах и референдумах путем установления бланкетных норм;
- формирование основных принципов избирательного права;

- установление основных сроков совершения избирательных процедур.

Если конституции союзного и республиканского уровня устанавливали фундаментальные принципы функционирования национальной избирательной системы, то основное свое развитие такие принципы находили непосредственно в Законах, принимаемых Верховным Советом соответственно СССР и РСФСР.

В таких законах конкретизировались заложенные в Конституции положения. Изменения и дополнения, вносимые в избирательные законы, более гибко отражали вектор государственной политики страны.

После принятия в 1978 году Конституции РСФСР, определявшей в гл. 11 основные выборные начала формирования Советов, был принят Закон РСФСР от 8 августа 1978 г. «О выборах в Верховный Совет РСФСР»⁸. Вслед за республиканской Конституцией данный закон в ст. 7 устанавливал мажоритарную избирательную систему с одномандатными избирательными округами. Организация избирательного процесса возлагалась на избирательные комиссии, система которых строилась по трехзвенной модели: Центральная избирательная комиссия по выборам в Верховный Совет РСФСР, окружные избирательные комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР и участковые избирательные комиссии (ст. 23 Закона).

Реализуя закрепленные в ст. 90 Конституции Союза ССР 1977 года, а также ст. 86 Конституции РСФСР нормативные положения, согласно которым порядок назначения выборов народных депутатов союзных республик, местных Советов народных депутатов определялся законами союзных республик, Верховный Совет РСФСР принял Закон РСФСР от 3 августа 1979 г. «О выборах в местные Советы народных депутатов

⁸ Закон РСФСР от 8 августа 1978 г. «О выборах в Верховный Совет РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 32. Ст. 845 (утратил силу).

РСФСР»⁹. Предметом правового регулирования данного закона выступали выборы депутатов во все местные Советы народных депутатов РСФСР, к числу которых относились: краевые, областные Советы народных депутатов, Советы народных депутатов автономных областей и автономных округов, районные и поселковые, сельские Советы народных депутатов (ст. 1).

Как отмечено В.Д. Гонштейном, начало реформы советской избирательной системы на этапе перестройки было положено принятием Закона СССР от 1 декабря 1988 года «О выборах народных депутатов СССР»¹⁰. С другой стороны, данный избирательный закон был принят в «увязке» с Законом СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) СССР» от того же 1 декабря 1988 года, заложившего обновленные конституционные основы устройства Советов, в связи с чем все же уместно считать начало реформы с конституционными поправками.

Важным элементом новизны, привнесенной в советское избирательное право, является установление в ст. 18 Закона «О выборах народных депутатов СССР» нормы представительства для общественных организаций при выборах народных депутатов СССР. Так, от общесоюзных организаций подлежало избранию 750 народных депутатов СССР, в частности от Коммунистической партии Советского Союза — 100 (из 750) депутатов. При таком положении КПСС, являвшаяся ранее ядром политической системы всей страны, уже априори не могла получить конституционного большинства в Советах из за установленного законодательного ограничения в виде нормы представительства в 100 из 750 депутатов, избираемых от общесоюзных общественных организаций. Представляется, что такое нормативное регулирование будущих выборов уже предопределяло провал КПСС.

С принятием Закона СССР от 14 марта 1990 года № 1360-I «Об учреждении поста Президента Союза ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию СССР» возникла необходимость определения процедурных (процессуальных) основ организации избирательного процесса по наделению полномочиями главы государства путем

всенародного волеизъявления. Нашли свое решение данные вопросы в Законе РСФСР от 24 апреля 1991 года № 1096-1 «О выборах Президента РСФСР»¹¹, который повторял уже сформировавшиеся основополагающие принципы избирательного процесса в Советской России.

Установление на конституционном уровне принципиально новой формы публичной власти — местного самоуправления — предопределило формирование муниципального избирательного права как важнейшего института, связанного с формированием местной публичной власти, отделенной от государственного аппарата и играющей важнейшую роль в жизни гражданского общества¹².

Правовые основы выборов местных Советов регулировались Законом РСФСР «О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Российской Федерации»¹³ и были связаны с формированием представительных органов власти — Советов народных депутатов всех уровней.

Системная трансформация местной власти определила принципиально новый правовой статус руководителя исполнительно-распорядительного органа власти на местном уровне, который, в отличие от прежнего главы местного райисполкома, становился самостоятельным единоличным избираемым органом, несущим ответственность перед населением.

Появление нового субъекта избирательных правоотношений потребовало принятия нового Закона РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1803-I «О выборах главы администрации»¹⁴.

В 1993 г. избирательное законодательство вновь подверглось некоторой трансформации, которую нельзя рассматривать в разрыве с таким важнейшим в исторической действительности событием как принятие Конституции Российской Федерации 1993 года.

Поздний перестроечный период ознаменовался появлением так называемого «указ-

⁹ Закон РСФСР от 3 августа 1979 г. «О выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР».

¹⁰ Гонштейн В.Д. Историко-правовые аспекты избирательного процесса в рамках избирательного права в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 5. С. 32–36.

¹¹ Закон РСФСР от 24 апреля 1991 г. № 1096-1 «О выборах Президента РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 17. Ст. 510 (утратил силу).

¹² Берлявский Л.Г., Тарабан Н.А. Избирательная система как институт российского муниципального права // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 8. С. 26–30.

¹³ Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1306.

¹⁴ Закон РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1803-I «О выборах главы администрации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 45. Ст. 1491.

ного права», которое подменяло собой ранее принятые Верховным Советом законы, обладающие по своей сущностной природе большей юридической силой. Таким образом, выборы 12 декабря 1993 года первого созыва Государственной Думы Российской Федерации прошли в соответствии, в частности, с Указом Президента Российской Федерации от 1 октября 1993 года № 1557 «Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период»¹⁵, которое по своему нормативному содержанию представляло избирательный закон, регулировавший федеральную избирательную кампанию по выборам первой Государственной Думы Российской Федерации.

Поскольку указанное Положение сочетало в себе признаки и нормативного, и организационно-распорядительного акта, в ст. 4 Президентом Российской Федерации устанавливалась дата проведения выборов — 12 декабря 1993 года.

Форма правового регулирования избирательного процесса по выборам представительных органов методом «указного протворчества» со стороны президента, подменившего систему избирательных Законов Союза ССР и РСФСР, выглядела «противовесом» президентской власти Верховному Совету РСФСР.

Практика раннего «указного права» Б.Н. Ельцина до сих пор не находит единой оценки среди исследователей. Как полагают, в частности, А.А. Бельтюкова, Ю.В. Гинзбург, В.О. Денисов, она была призвана заполнить пробелы законодательства. Однако указы той поры подменяли законодательные нормы и нередко конкурировали с ними, создавая в ряде случаев непростые проблемы на этапе правоприменения¹⁶.

Еще большую неоднозначность «указный» метод регулирования избирательных правоотношений, связанных с формированием высшего представительного органа власти России, выглядел как проявление

президентского «превосходства» над законодательной ветвью власти.

Реформирование избирательных систем субъектов Российской Федерации началось с принятия Указов Президента Российской Федерации от 27 октября 1993 года № 1765 «Об утверждении Основных положений о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа»¹⁷ (региональный уровень), а также от 29 октября 1993 года № 1797 «Об утверждении Основных положений о выборах в органы местного самоуправления»¹⁸. Данными Указами региональным органам власти предписывалось принять положения о выборах в представительные органы государственной власти и в органы местного самоуправления с учетом основных положений, утверждаемых данными указами.

Таким образом, система источников избирательного законодательства исследуемого периода была представлена союзными и республиканскими конституциями, законами и Указами Президента, являвшимися по своей природе подзаконными актами, при этом игравшими роль полноценных законов о выборах. Избирательные законы, предметом регулирования которых являлась реализация заложенных в Конституциях Союза ССР и РСФСР (России) основ выборного формирования высших органов государственной власти, устанавливали основные принципы избирательного права и процесса на союзном и республиканском уровнях.

В отличие от фундаментальных основ избирательного права, декларируемых непосредственно на конституционном уровне, в избирательных законах устанавливались процессуальные механизмы их реализации (например, сроки назначения выборов, выдвижения кандидатов, установление нормы представительства при проведении выборов по одномандатным избирательным округам, установление дополнительных субъектов

¹⁵ Указ Президента РФ от 1 октября 1993 г. № 1557 «Об утверждении уточненной редакции Положения о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 году и внесении изменений и дополнений в Положение о федеральных органах власти на переходный период» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 41. Ст. 3907.

¹⁶ Приватизация и право: учебное пособие / А.А. Бельтюкова, Ю.В. Гинзбург, В.О. Денисов и др.; под ред. А.Н. Козырина. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 210 с.

¹⁷ Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1765 «Об утверждении Основных положений о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 44. Ст. 4189.

¹⁸ Указ Президента РФ от 29 октября 1993 г. № 1797 «Об утверждении Основных положений о выборах в органы местного самоуправления» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 44. Ст. 4197.

избирательного процесса, например, избирательных комиссий, порядок наделения их полномочиями и т.д.).

Избирательные законы позволяли оперативно реагировать на стремительное изменение политической конъюнктуры в стране, приводившее к трансформации избирательного процесса.

Учитывая гибкость Конституций СССР и РСФСР, в ряде случаев такие законы играли роль конституционных поправок.

Литература:

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Проспект, 2008.
2. Берлявский А.Г., Тарабан Н.А. Избирательная система как институт российского муниципаль-

ного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 8. С. 26–30.

3. Гонштейн В.Д. Историко-правовые аспекты избирательного процесса в рамках избирательного права в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 5. С. 32–36.
4. Зивс С.Л. Источники права. М., 1982.
5. Иванов И.А. Концепция правовой культуры // Правоведение. 1998. № 3.
6. Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права: диалогическая природа государства и его место в политической системе общества. СПб.: ИВЭСЭП; Знание, 2007. 64 с.
7. Юсов С.В. Юридическое обеспечение федеральных и региональных выборов. Ростов н/Д: Феникс, 2014. С. 29–30.
8. Ellen K. The problem of interpretation law. London, 2002 y.

Окружные законодательные и исполнительные органы советской власти на территории Сибирского края во второй половине 20-х гг. XX века

*Сорокун Павел Владимирович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Ачинского филиала Красноярского государственного аграрного университета,
кандидат исторических наук
pavel_istoria@list.ru*

В статье анализируется процесс формирования новых окружных органов власти на одной из самых больших территорий советского пространства — Сибирского края. Автором представлена попытка, на основе архивного материала и других источников, проанализировать структуру и деятельность законодательных и исполнительных органов власти определив их значения в развитии округов Сибирского края в период 1925–1930 гг.

Ключевые слова: съезд советов, Сибирский край, местное управление.

District Legislative and Executive Bodies of the Soviet Power in the Siberian Territory in the Second Half of 20s of XX Century

*Sorokun Pavel V.,
Assistant Professor of the Department of the Theory and History of State and Law
of the Achinsk Branch of the Krasnoyarsk State Agrarian University,
Candidate of Historical Sciences*

In article process of formation of new district authorities on one of the biggest territories of the Soviet space — Siberia is analyzed. The author presented attempt on the basis of archival material and other sources to analyse structure and activity of legislative and executive bodies of the power having presented their values in development of the Districts of Siberia during 1925–1930.

Key words: congress of councils, Siberia, local management.

В процессе формирования окружного советского аппарата управления в 20-е гг. XX в. начала действовать новая

система местного управления как на территории Сибири, так и государства в целом.

До территориального районирования 1925 г. вся полнота власти сосредотачивалась у Сибирского революционного комитета (Сибревкома). Он являлся полномочным органом ВЦИКа для осуществления высшей власти в пределах освобожденной Сибири и для выполнения задач общероссийского значения. На Сибревком возлагалась главная задача — поддержание революционного порядка, руководство всеми административно-хозяйственными органами и объединение их. Кроме того, Сибирский революционный комитет — это высший орган центральной власти РСФСР в Сибири, который по соглашению с соответствующими народными комиссарами организует при себе отделы во главе с представителями от отдельных комиссариатов. Таким образом, он сосредотачивал законодательную и исполнительную власть в своих руках преимущественно по отношению к губернским и уездным органам власти на территории Сибири¹.

Во второй половине 20-х гг. XX в. Сибревком свернул свою деятельность, передав полномочия уже другим органам власти. В образованном Сибирском крае ими являлись краевые, окружные, районные съезды Советов. Они являлись высшей властью в границах своего ведения. Съезды Советов — это законодательные органы власти. Они созывались с целью обсуждения актуальных вопросов и постановки основных задач. Съезды Советов (краевые, окружные, районные, городские, сельские) избирали свои исполнительные органы², главной целью которых было решение обозначенных на съезде задач, в их ведении сосредотачивалась исполнительная ветвь власти.

В Конституции 1925 г. закреплено взаимодействие обеих ветвей власти. Формально они состояли в следующем: исполкомы всецело ответственны перед избравшими их съездами Советов. Съездам Советов и их исполкомам принадлежало право контроля за деятельностью местных Советов, т.е. краевому — право контроля над всеми Советами Сибирского края, окружным съездам — над всеми Советами округа, включая районные, городские и сельские, кроме городских, не входящих в состав окружных съездов.

Однако эти нормы в большей части оставались формальными и не всегда могли реализовываться на практике на местном уровне.

3 декабря 1925 г. образовался новый управляющий законодательный орган —

Краевой съезд Советов Сибири. За весь период существования единого Сибирского края (с 1925 по 1930 гг.) было создано три краевых съезда Советов Сибири³, в которых принимали непосредственное участие представители (делегаты) всех округов Сибирского края. В полномочия этих съездов входило определение актуальных проблем и реализация принятых решений в постановлениях и резолюциях, которыми в своей деятельности должен был руководствоваться Сибирский краевой исполнительный комитет (Сибкрайисполком), являющийся исполнительной ветвью власти в Сибири⁴.

Образовавшийся в 1925 г. Сибкрайисполком был органом государственной власти на территории Сибирского края, осуществляющий руководство социалистическим, хозяйственным, культурным строительством, а также индустриализацией и коллективизацией в крае. Избирался он в составе не более 100 членов и кандидатов к ним в количестве не более 1/3 числа членов краевого исполнительного комитета⁵. Формально он подчинялся СНК РСФСР, ВЦИК и его президиуму⁶.

Изначально структура Сибкрайисполкома включала в себя: общий отдел, финансовый отдел, административный отдел, земельное управление, управление РКИ, управление шоссейных и грунтовых дорог, совет народного хозяйства, отдел внутренней торговли, отдел народного образования, отдел здравоохранения, отдел труда, отдел социального обеспечения, отдел государственного политического управления.

Наряду с Сибкрайисполкомом на территории Сибири были созданы подчиненные ему окружные комитеты, которые являлись высшими органами исполнительной власти на подведомственной им территории.

Общее направление деятельности и принципиальная линия работы окрисполкомов вырабатывалась их пленумами. Те-

³ Первый краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1925г.): стенограф. отчет. Ч. 1 и ч. 2. Новосибирск, 1993. Ч. 1. — 213 с; Ч. 2. — 271с; Второй краевой съезд Советов Сибири (1–6 апреля 1927 г.): газетные репортажи и документы. Новосибирск, 1991. 222 с.; Третий краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1929 г.) / под. ред. И.А. Молетотова. Ч. 1, 2. Новосибирск, 1994. 213 с.

⁴ Первый краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1925 г.): стенограф. отчет. Ч. 1. Новосибирск, 1993. С. 213–217.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8964. Оп. 1. Л. 6.

⁶ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, 1968. 489с.

¹ Деятельность Сибревкома. URL: <http://sibarchives.ru> (дата обращения: 10.06.2010).

² ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.

кущие дела рассматривались президиумами окрисполкомов в составе председателя, двух товарищей председателя и одного секретаря. В райисполкоме президиум состоял из председателя и одного секретаря. Президиум городских и сельских Советов строился по примеру окрисполкомов, его деятельность заключалась в подготовке материалов для исполкомов, наблюдении за исполнением постановлений исполкомов, причем члены президиума могли также быть заведующими отделами⁷. Чаще всего заведывание отделом управления передавалось одному из председателей. Член президиума мог являться также заведующим управлением, он же руководил им, направлял, организовывал его работу. Президиумы, как правило, не имели права вмешиваться в ход работы отделов помимо специального поручения им от исполкомов. Но они могли потребовать от отделов вынесения любого текущего вопроса на обсуждение исполкома.

При президиуме окрисполкомов создавались краевая, плановая и арбитражная комиссии, архивное и статистическое бюро, различные органы вспомогательного и обслуживающего характера: комиссии, совещания, Советы, также в них были учреждены уполномоченные наркоматов ССРСР: путей сообщения, внешней торговли, тяжелой промышленности, лесной промышленности, комитета товарных фондов и регулирования торговли при СТО. Оперативная работа по отдельным отраслям концентрировалась в отраслевых отделах окрисполкомов, с помощью которых решались основные задачи по отдельным отраслям управления. Например, отдел управления разбивался на подотделы, так, общий (под непосредственным руководством заведующего отделом), в предмет введения которого входили: охрана общего революционного порядка, безопасности и права рабочих и крестьянской бедноты; содействие всем другим отделам и представителям центральной власти в исполнении им законов, декретов. Он осуществлял наблюдение за правильным исполнением всех декретов, законов и распоряжений центрального правительства и постановлений местного Совета и исполнительного комитета. Постоянно инструктировал местные Советы по вопросам проведения в жизнь декретов, законов, распоряжений центральной и Сибирской власти. А также по вопросам организации Советов и их работы. Общий подотдел рассматривал согласно инструкции вопросы

об организации новых местных административных единиц и изменении границ старых. Он также наблюдал согласно инструкции, за подготовкой выборов в местные Советы и созывом местных съездов Советов⁸.

При президиуме действовал ряд постоянных и временных комиссий, совещаний, комитетов. Всего за 1925–1926 гг. при президиуме, например, Красноярского окрисполкома действовало 15 различных комиссий⁹.

В 1927–1929 гг. в рамках прежней структуры окрисполкомов возникли новые подразделения. Так, например, административный отдел, который в свою очередь включал подотдел административного надзора, ЗАГС, милицию, уголовный розыск, иностранный стол, отдел местного хозяйства, который включал: промышленный подотдел, коммунальный, финансовый, отдел торговли, отдел народного образования: часть социалистического воспитания, политического просвещения, профессионального образования, ЛИТО, отдел здравоохранения, отдел социального обеспечения и др.¹⁰.

Наличие данных подразделений свидетельствует о расширении видов деятельности исполнительных органов власти, которые осуществляли руководство и контроль над многими сферами жизни в округах.

В 1927–1928 гг. были учреждены постоянно действующие комиссии по сельскохозяйственному налогу, по землеустройству колхозов, детская комиссия, совет по работе среди национальных меньшинств, который был ликвидирован в августе 1930 г.¹¹

Съезды Советов включали в свой состав депутатов, которые формально обладали широкими полномочиями¹². Несмотря на то, что Советы депутатов должны в первую очередь были исполнять постановления соответствующих органов власти, можно отметить, что они обладали достаточно высоким статусом на территории Сибири. В большей степени их деятельность была ориентирована на законодательную перспективу. Местные Советы были многочисленны по составу, что, по сути, могло снижать эффективность их работы. Депутаты Советов, как и работники исполкомов, считались слугами народа, выразителями его воли, что не всегда подтверждалось на практике.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 170. Л. 19.

⁹ ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 505. Л. 183–184.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Ед. хр. 772. Л. 52–54 об.

¹¹ МУ «Архив г. Канска». Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 315. Л. 56–58.

¹² ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 21. Л. 27.

⁷ МУ «Архив г. Канск». Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 6. Л. 23–30; ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 21. Л. 2–24.

Для выполнения возложенных на местный орган советской властью задач при Советах образовывались отделы во главе с заведующими.

В случае решения вопросов, касающихся делопроизводства секций, заведующий секцией входил в коллегия с правом решающего голоса. Все решения вопросов принципиального характера и сметы отделов утверждались исполкомом. Прочие вопросы могли быть решены отделами без особой санкции исполкома, на основе общих указаний из центра. На примере финансового отдела можно увидеть, что решение всех вопросов и сметы отделов также утверждались исполкомом. Отпуск авансов и кредитов по сметам всех отделов производился по заключению местного финансового отдела. Помимо этого все вопросы общего и частного характера в случае требования президиума или исполкома, должны, безусловно, передаваться на непосредственное рассмотрение исполкома. Решение принималось большинством голосов¹³.

Особого внимания заслуживает анализ влияния законодательной и исполнительной окружной власти на местные государственные органы. В советской политической системе во взаимоотношениях высших и низших органов определяющим был ленинский принцип демократического централизма, который означал в общих чертах выборность всех руководящих органов снизу доверху, отчетность вышестоящих органов перед нижестоящими и последних перед вышестоящим органом, жесткое подчинение меньшинства большинству, обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих организаций.

Исполнение принятого решения возлагалось на низшие органы, а само решение принимали высшие органы. Структура низовых местных органов определялась Положением о городских Советах. По данному документу они являлись высшими на своей территории органами государственной власти в пределах предоставленных им законом прав. Нормы представительства при выборах в горсоветы от населения устанавливались законодательством союзных республик¹⁴.

Районные Советы в городах создавались в соответствии с Инструкцией по организации и деятельности районных Советов в городах, утвержденной ВЦИК и СНК РСФСР от 15 апреля 1929 г. Районные Советы в городах образовывались по постановлениям

городских Советов городов, в которых проживало более 100 тыс. населения¹⁵. Правовое положение поселковых Советов в РСФСР определялось в рассматриваемый период рядом законов, изданных общесоюзными и республиканскими органами государственной власти¹⁶.

Анализ архивных документов в сфере формирования и функционирования окружных органов власти показал, что Советы депутатов, в особенности городские и районные, действовали практически только во время сессий, которые собирались редко и достаточно формально. Это подтверждает малочисленность и во многих случаях несамостоятельность съездов. Они автоматически единогласно принимали решения, предлагаемые исполкомами и заранее одобренные партийными органами. Таким образом, эффективными и действовавшими являлись в большинстве случаев только исполнительные комитеты¹⁷.

Из протоколов заседания президиума Ачинского городского совета видно, что многие важные вопросы рассматривались практически совсем без участия актива¹⁸.

Не лучше обстояло дело и с пленумом горсоветов. Так, документы Ачинского городского совета показывают низкую посещаемость делегатов, что, в свою очередь, логично предположить, приводило к формализации выбора решений. Всего пленумов Ачинского городского совета за 1925 г. было проведено 6, на них присутствовало 422 члена городского совета, или 64% от общего числа. Особый интерес представляет пленум по вопросу «Об итогах Всесоюзного Съезда Советов», который состоялся 2 июня 1925 г., где присутствовало всего 62 человека, или около 40% от общего количественного состава¹⁹.

¹⁵ Лепешкин А.И., Ким А.И. Курс советского государственного права. Т. 2. М., 1962. 526 с.

¹⁶ К ним, прежде всего, относятся: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 сентября 1926 г. «О рабочих поселках» // СУ РСФСР. 1926. № 65. Ст. 509; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6 июня 1927 г. «О курортных поселках» // СУ РСФСР. 1927. № 56. Ст. 384; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1927 г. «О дачных поселках» // СУ РСФСР. 1928. № 8. Ст. 70; Постановление Президиума ЦИК СССР от 27 сентября 1934 г. «Об организации Советов в крупных рабочих поселках, совхозах, удаленных от сельских Советов не менее чем на 8 км» // СЗ СССР. 1934. № 56. Ст. 423.

¹⁷ МУ «Архив г. Ачинска». Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 587. Л. 3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ МУ «Архив г. Ачинска». Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 587. Л. 4.

¹³ ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 505. Л. 465.

¹⁴ Лепешкин А.И. Местные органы Советского государства (1921–1936 гг.). М., 1959. 393 с.

Исполнительные комитеты фактически подменяли Советы. По мнению И.А. Исаева, «через них осуществлялась монополия руководящей силы — компартии — на реальное руководство местными делами, они служили прикрытием безответственности местной номенклатуры перед населением»²⁰.

Таким образом, рассматривая формирование и взаимодействие окружной советской исполнительной и законодательной власти в Сибири, можно сделать вывод, что законодательная власть в лице съездов Советов определяла постановку соответствующих задач в развитии округов. Работа съездов была слабой, велась «вяло», что выражалось в низком проценте посещаемости заседаний депутатами в местных Советах. Это, в свою очередь, вело к затруднению разрешения серьезных, важных вопросов и оставляло их открытыми. В своей работе окружные съезды Советов ставили большое количество задач, которые не всегда являлись объективными, редко принимались во внимание условия ограниченного бюджета. Считалось, что исполнительные органы власти должны выполнить все поставленные перед ними задачи. Часто это было сделать весьма затруднительно, а то и совсем невозможно.

Исполкомы обладали реальной полнотой власти и диктовали свои требования и их решения. Поставленные окружными съездами Советов Сибири цели и задачи выполнялись не в полном объеме. В свою очередь, окружные исполнительные органы власти брали на себя ответственность за осуществление поставленных задач в жизнь, но нехватка средств в округах могла диктовать другие условия. Исполнительные окружные

органы власти самостоятельно распределяли имеющиеся средства, пытались воплотить в жизнь поставленные перед ними задачи и тем самым улучшить социальное развитие округов. Поэтому иногда они также игнорировали решения законодательных органов власти Сибири.

Литература:

1. Второй краевой съезд Советов Сибири (1–6 апреля 1927г.): газетные репортажи и документы. Новосибирск, 1991. 222 с.
2. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 21. Л. 27; Д. 505. Л. 183–184, 465; Д. 21. Л. 2–24, 26.
3. ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Ед. хр. 772. Л. 52–54 об.
4. ГАРФ. Ф. Р-6984. Оп. 1. Д. 170. Л. 19.
5. ГАРФ. Ф. Р-8964. Оп. 1. Л. 6.
6. Деятельность Сибревкома. URL: <http://sibarchives.ru> (дата обращения: 10.06.2010).
7. Исаев И.А. История России: традиции государственности. М., 1998. 94 с.
8. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, 1968. 489 с.
9. Лепешкин А.И. Местные органы Советского государства (1921–1936 гг.). М., 1959. 393 с.
10. Лепешкин А.И., Ким А.И. Курс советского государственного права. Т. 2. М., 1962. 526 с.
11. МУ «Архив г. Ачинска». Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 587. Л. 3–8.
12. МУ «Архив г. Канск». Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 6. Л. 23–30.
13. МУ «Архив г. Канска». Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 315. Л. 56–58.
14. Первый краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1925г.): стенограф. отчет. Ч. 1 и 2. Новосибирск, 1993. Ч. 1 — 213 с.; Ч. 2 — 271 с.
15. Третий краевой съезд Советов Сибири (3–9 декабря 1929 г.) / под. ред. И.А. Молотова. Ч. 1, 2. Новосибирск, 1994. 213 с.

²⁰ Исаев И.А. История России: традиции государственности. М., 1998. 94с.

Правовой мониторинг на современном этапе: что изменилось с 2008 года?

*Марков Анатолий Михайлович,
аспирант кафедры теории и истории права и государства
Волгоградского государственного университета
Info-vcppi@bk.ru*

В статье рассматривается эволюция института правового мониторинга в Российской Федерации, анализируются изменения законодательства, регламентирующего данную сферу правоотношений, проводится сравнительно-правовой анализ норм, регламентирующих процедуру мониторинга эффективности правоприменения в зарубежных странах.

Ключевые слова: законодательство, институт права, правовой мониторинг, эффективность норм.

Legal Monitoring at the Modern Stage: What Has Changed from 2008?

*Markov Anatoliy M.,
Postgraduate Student of the Department of Theory and History
of Law and State Volgograd State University*

The article describes the evolution of the institute legal monitoring in the Russian Federation, analyzed changes in the legislation governing this area relations, conducted a comparative legal analysis of the rules governing the procedure for monitoring the effectiveness of enforcement in foreign countries.

Key words: law, institutes of law, law monitoring, efficiency standards.

На протяжении последнего десятилетия в Российской Федерации активно идет процесс становления и институализации нового вида юридической деятельности — правового мониторинга как одной из обязательных функций органов государственной власти. За это время удалось достичь определенных результатов как в сфере развития его концептуальных и методологических основ, так и в части внедрения правового мониторинга в правотворческую и правоприменительную деятельность. Вместе с тем пока нельзя сказать, что работа по созданию системы правового мониторинга завершена. Напротив, достигнутые результаты открывают новые грани данного явления, выявляют более сложные проблемы, требующие научного осмысления, а в некоторых случаях — коррекции отдельных, уже состоявшихся концептуальных и методологических решений.

Исследователи сходятся во мнении, что правовой мониторинг — явление отечественное¹. Вместе с тем отдельные его инструменты, например, оценка регулирую-

щего воздействия, успешно применяются в странах континентальной Европы.

Идея создания института правового мониторинга в России, что вполне логично, первоначально стала исходить со стороны законодательной власти. Так, Совет Федерации, иницировав в 2002 году работу по созданию системы мониторинга законодательства и правоприменительной практики, ставил цель повысить эффективность законодательной деятельности, а также компенсировать потребность гражданского общества в контроле принимаемых властью нормотворческих решений.

Начиная с 2003 года Совет Федерации начал осуществлять План мероприятий по мониторингу правового пространства и правоприменительной практики. Тогда же впервые была поставлена задача определения места и роли мониторинга в правовой системе страны.

В докладе Совета Федерации 2004 года мониторинг законодательства и правоприменительной практики был определен

¹ Арзамасов, Ю.Г. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология / Ю.Г. Арзамасов,

Я.Е. Наконечный. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. С. 39.

как «систематическая, комплексная деятельность органов власти, научного сообщества, институтов гражданского общества и общественных организаций по оценке, анализу, обобщению и прогнозу состояния законодательства и практики его применения»². Этот вид деятельности выделен как инновационный и ответственный, а также развивающий диалог власти и общества.

В декабре 2005 года был создан Аналитический центр при Правительстве РФ, задачей которого является оперативное формирование экспертного мнения по широкому кругу вопросов социально-экономического развития страны, в том числе по вопросам эффективности правоприменения издаваемых Правительством РФ в пределах своей компетенции нормативно-правовых актов.

В 2006 году была разработана Концепция мониторинга законодательства и правоприменительной практики, которая содержала базовые принципы и основные направления создания и развития системы правового мониторинга как необходимого инструмента повышения качества принятия законодательных решений на основе объективных оценок эффективности правотворчества. В том же году Совет Федерации рекомендовал создать Всероссийский центр мониторинга права, который на основе общего интереса всех ветвей государственной власти и общественных институтов, объективной информации, поступающей от соответствующих субъектов мониторинга (органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций), мог бы проводить ее независимую оценку и предлагать законодателям и правоприменителям рекомендации, касающиеся стратегических (перспективных) ориентиров их деятельности по защите, реализации и развитию конституционных прав и свобод человека и гражданина.

16 ноября 2007 года постановлением Совета Федерации РФ № 496-СФ был создан Центр мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центр мониторинга права) при Совете Федерации — специальный орган, титульно и содержательно посвященный задачам мониторинга, призванный на постоянной профессиональной осно-

ве обеспечить существенное углубление идеи и расширение системы мониторинга права. Создав этот Центр, Совет Федерации институализировал идею мониторинга законодательства и правоприменительной практики.

Исходная идея создания Центра заключалась в том, чтобы, обобщая опыт совместной работы по мониторингу права, придать этой деятельности системный, научно-обоснованный характер.

Вместе с тем необходимо отметить, что Центр мониторинга права обладает весьма ограниченными полномочиями в плане оказания влияния непосредственно на повышение эффективности правоприменения. Так, в полномочия Центра входят лишь такие функциональные направления деятельности, как экспертное, методическое, аналитическое, информационное обеспечение мониторинга в Совете Федерации; изучение и анализ зарубежного опыта оценки результатов правоприменительной практики и использования их в законодательной деятельности; оказание помощи законодательным (представительным) органам государственной власти субъектов РФ в проведении мониторинга и подготовке докладов о состоянии законодательства в субъектах РФ.

Кроме того, на федеральном уровне до сих пор не принят соответствующий нормативный правовой акт, устанавливающий основы организации и проведения правового мониторинга.

При отсутствии федерального правового регулирования в отдельных субъектах Федерации органы государственной власти достаточно активно занимаются организацией правового мониторинга. К числу таких субъектов можно отнести Липецкую область, Москву, Московскую область, Ставропольский край, республику Татарстан, а также некоторые другие.

Вместе с тем нельзя говорить о том, что на федеральном уровне не предпринимается попыток нормативной регламентации обеспечения правового мониторинга. Так, Национальный план противодействия коррупции от 31 июля 2008 года № Пр-1568 положил начало формированию и внедрению единой системы мониторинга правоприменения в Российской Федерации. В целях его реализации Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» утверждено Положение о мониторинге правоприменения, а Постановлением Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 694 «Об утверждении методики осуществления

² Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации. Мониторинг правового обеспечения основных направлений внутренней и внешней политики». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=525046>

мониторинга правоприменения в Российской Федерации» утверждена методика его проведения.

Определенным результатом теоретической разработки проблем правового мониторинга стало издание в 2009 году научно-практического пособия «Правовой мониторинг» (под ред. проф. Ю.А. Тихомирова), в котором впервые была сформулирована концепция правового мониторинга.

В 2010 году в Министерстве юстиции РФ был создан отдел аналитического обеспечения нормотворчества и контроля за исполнением федерального законодательства. Министерство внутренних дел РФ активно внедряет систему осуществления мониторинга реализации нормативных правовых актов на программно-аппаратной основе. В этих целях в министерстве разрабатывается автоматизированная аналитическая информационная система мониторинга нормативно-правового обеспечения деятельности органов внутренних дел — АИС «Мониторинг».

В соответствии со своей сферой деятельности органы судебной власти в непрерывном режиме осуществляют мониторинг правоприменительной практики и являются самым действенным механизмом мониторинга права. Так, Конституционный Суд РФ, осуществляя проверку конституционности нормативных правовых актов, не являясь непосредственным участником законодательского процесса, своими решениями оказывает существенное влияние на всю правовую систему страны. Верховный Суд РФ, обобщая правоприменительную практику в рамках своих вопросов ведения, инициирует изменение соответствующего законодательства.

23 марта 2013 года Правительством РФ были направлены президенту страны результаты первого проведенного мониторинга правоприменительной практики в России. В ряду прочего в документе представлены результаты мониторинга выполнения решений Конституционного Суда РФ и постановлений Страсбургского суда. Кроме того, он содержит список решений этих судебных инстанций, по которым необходимо принятие изменения или отмена законодательных и нормативных актов РФ³.

³ Путину направлены результаты первого в истории России мониторинга правоприменения. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1062701&cid=5>

По результатам детального изучения проведенной Правительством РФ работы по правовому мониторингу 28 августа 2013 года было издано Постановление № 1513-р «Об утверждении плана мониторинга правоприменения в РФ на 2014 год».

31 января 2014 года Правительство РФ выступило с докладом, в котором в числе прочего было отмечено, что на данный момент примерно 45% федеральных органов исполнительной власти и более 70% органов государственной власти субъектов РФ приняли правовые акты, обеспечивающие проведение мониторинга правоприменения на постоянной и плановой основе⁴.

Данный доклад Правительству РФ как ничто иное красочно иллюстрирует действительное методическое, нормативное и практическое положение института правового мониторинга на текущий момент.

Таким образом, до настоящего времени работа по оптимизации методов и приемов осуществления правового мониторинга в практической деятельности, равно как и работа по теоретическому осмыслению института правового мониторинга, не завершена. Федеральные органы исполнительной власти в лице Правительства Российской Федерации, федеральных министерств и других органов исполнительной власти активно развивают свою деятельность по мониторингу законодательства и правоприменительной практики.

Полагаем, что несмотря на достигнутые результаты, институт правового мониторинга нуждается в дальнейшей теоретической проработке и правовой регламентации.

Литература:

1. Арзамасов Ю.Г. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология / Ю.Г. Арзамасов, Я.Е. Наконечный. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2009. 160 с.
  2. Доклад о мониторинге правоприменения в РФ. URL: <http://government.ru/activities/10143>
  3. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации. Мониторинг правового обеспечения основных направлений внутренней и внешней политики». URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=525046>
  4. Путину направлены результаты первого в истории России мониторинга правоприменения URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1062701&cid=5>
- ⁴ Доклад о мониторинге правоприменения в РФ. URL: <http://government.ru/activities/10143>

Рецензия на книгу А.А. Арутюняна «Конституционализм: проблемы постсоветской реальности». М.: Издательство «Норма», 2015. 158 с.

*Миронов Дмитрий Николаевич,
профессор-исследователь кафедры
конституционного, муниципального
и международного права,
Северо-Восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова,
доктор юридических наук
dn.mironov@s-vfu.ru*

Review of the Book by A.A. Arutyunyan “Constitutionalism: Issues of Post-Soviet Reality”

*Mironov Dmitriy N.,
Professor Researcher of the Department
of Constitutional, Municipal and International Law
of the North-Eastern Federal University
named after M.K. Ammosov,
Doctor of Law*

С одной стороны, государства постсоветского пространства имеют конституции, ориентированные на свободу, на обеспечение прав человека и гражданина. В них закреплены основы современного конституционализма. С другой стороны, государства постсоветского пространства довольно сильно зависят от прошлого, например, от практики поглощения государством гражданского общества. На них воздействует сила инерции (олигархическая система), которая ограничивает работоспособность демократических институтов. С учетом развития законодательства и политической практики в монографии оценивается состояние постсоветского конституционализма и государства. Работа актуализирована вовлечением в область исследования того своеобразного положения, которое сложилось в этих странах — «стратегии краткосрочных выигрышей», связанной с интересами действующей власти. Считая, что это «выводит постсоветскую государственную политику за рамки отношений цивилизованного партнерства» (с. 60), автор изучает данную стратегию довольно подробно. В монографии выражается надежда, что постсоветский конституционализм найдет новые

механизмы, способные не допустить скатывания от системы сдержек и противовесов в систему перевесов (с. 104). Между тем именно система сдержек и противовесов связана с диверсификацией, которая «делает экономику конкурентной, а общество — плюралистическим» (с. 6).

Структура монографии продиктована необходимостью представить в работе три измерения конституционализма — философское, правовое и институциональное. Следует принять позицию о том, что государство, вставшее путь цивилизованного развития, как правило, выражает свое отношение к трем позициям: свободе и традициям, свободе и правилу большинства, свободе и ответственности. По первому из названных ситуаций постсоветские государства, отвергнув позитивные стороны движения от практики (опыта) к практике (опыту), выбрали рационализм, который в свое время получил распространение в странах континентальной Европы.

Ограниченность постсоветского реализма автор видит в том, что он «все более тяготеет к социальной (тоталитарной) демократии...», предпочтя унификацию, однообразию и монизму. Укрепляя традиции,

постсоветские государства предпочитают жесткий тип мышления. Как считает автор, принцип большинства, утвердившийся в постсоветских государствах, не учитывает необходимость объединения общества на базе общих убеждений (с. 27) и ограничивает дискуссии по поводу принимаемых законов (с. 28). Практика применения правила большинства формализует систему сдержек и противовесов. «Идеал демократии, изначально направленный на предотвращение авторитарной власти, таким образом, становится оправданием новой авторитарной власти путем формализации системы сдержек и противовесов» (с. 27), — пишет автор. Исследователь указывает, что «некоторые постсоветские общества из них выбрали только свободу» (с. 35). Между тем традиция ответственности, умения отвечать за себя, быть хозяином себе — вот что нужно для свободы. «Без этого постсоветские государства не смогут построить свободных обществ» (с. 37).

А.А. Арутюнян полагает, что Запад освоил механизмы, отводящие развитие общества в режиме циклического повторения пройденного пути, то постсоветские государства не избежали «попятной фазы», поскольку в целом не смогли утвердиться в линейно-кумулятивном социальном измерении (с. 62-63). Соответственно возрастает роль реализации прав человека в конституционно-правовом развитии постсоветских государств. Но здесь права человека и независимый суд, правовое государство и верховенство права пока остаются идеалами.

Позитивное право базируется на естественном праве — одна ситуация. Позитивное право подчинено идеологии — другой вариант. В первом случае развитие позитивного права идет под воздействием закона «открытой системы», закона «малого числа» и закона «автономной личности». Преимущества этих законов автор видит в том, что они гарантируют использование конституционализма для налаживания объективных связей и равновесия между обществом и государством, взаимного ограничения государства и граждан. Общества, поверившие в преимущества перечисленных законов развития, имеют возможность использовать и другой объективный закон общественного развития — локомотивом общества всегда является меньшинство (с. 80). Как показано в работе, постсоветское государство имеет системные изъяны, которые связаны моноцентризмом политической власти и олигархической экономической системой.

Ввиду этого постсоветское государство не использует или в недостаточной степени использует преимущества открытого общества. На этом фоне убедительным выглядит утверждение о том, что справедливые выборы, верховенство права, разделение властей, система сдержек и противовесов — это не лозунги, а императивы развития общества. «Если институты конституционализма станут формальными, общество перестанет контролировать элиту и бюрократическая элита закроется от общества, даже в развитых демократических странах это станет началом конца» (с. 82).

Институциональный аспект постсоветского конституционализма представлен разбором многопартийности, парламентаризма и системы президент — премьер-министр — парламент. Как полагает автор, хотя существует объективная необходимость в укреплении многопартийности и легализации посреднической роли политических партий, ситуация «в большинстве постсоветских государств» деформирована, где правящие элиты озабочены не формированием многопартийной системы, а созданием декоративных партий (с. 125). Корректно замечание о том, что постсоветские республики имеют переходную партийную систему, где наблюдается нечеткость социальных ориентаций и конгломерат партий (с. 128).

Парламент — это коллегия народа, отделенная от собственности, но основанная на партийном представительстве. Такой орган способен обеспечивать трансформацию интересов в политическую волю в виде общественно-экономической альтернативы. Парламентские дебаты имеют двойное назначение — средство конституционного сдерживания и форма поиска истины. И тогда парламент остается форумом политической гласности и институтом легитимации. Парламентаризм — это специфическая структура и система власти, где партии «в парламенте ведут борьбу друг с другом за власть» (с. 132). Что касается постсоветской парламентской системы, то она «действует, игнорируя саму суть конституционализма, который является его интегральной частью» (с. 133).

В монографии обращается внимание на формализацию представительства при утраче зависимости депутатов от избирателей (с. 135). Не случайно заключает автор: «Парламент есть, но нет парламентаризма, — вот существующие постсоветские реалии» (с. 136).

В системе президент — премьер-министр действуют тенденция «сближения формально-юридической и практической ситуаций». В этом направлении позитивный пример автор связывает с Республикой Армения, которая «вырвалась из порочного круга, когда формально действует полупрезидентская конституция, а фактически выстраивается «суперпрезидентская» (сверхпрезидентская) республика» (с. 141). Одновременно подчеркивается опасность дуализма, когда премьер может попытаться стать главой парламентского большинства (с. 142). Другая крайность, когда конституции ряда постсоветских республик, не обуславливая ничем, наделяют президента правом сместить премьер-министра. Исследователь соглашается с выводом о том, что, несмотря на усиление президента, постсоветские республики пока не «приближаются к классическому президентскому режиму» (с. 137).

Критика, составляющая черту исследования, не направлена против какой-то общественной силы, определенной партии, государственного органа, должностного лица или конкретной группы депутатов представительного органа. Не усматривается критика в отношении общества и государства. Это и понятно. Положение, которое сложилось в постсоветском государстве, имеет историческую и ментальную основу. Многими нитями оно связано с особенностями социально-экономического развития данной группы стран. Нельзя сказать, что действующая конституционно-правовая ре-

альность, сложившаяся в этих странах, является полностью адекватной культуре и быту их народов. Но эту связь отрицать невозможно. Надо сказать, что в монографии необходимость демократизации общества и государства, поиска собственного решения конституционных проблем и государственно-правового механизма, способного развивать постсоветский конституционализм в сторону цивилизованной эволюции связывается с благоразумием элиты, ответственностью общества и процессом формирования новой личности. Поставлен общий вопрос о степени универсальности демократической реконструкции общества и государства. Одновременно автор подчеркивает: при этом «механизмы должны быть свои». Формулировать их «следует с учетом собственной политической культуры и традиций, уровня правосознания». Такой подход предполагал дифференциацию государств постсоветского пространства. В работе эта возможность, однако, не вполне использована. Кстати, дифференцированный подход важен и для выявления содержательной стороны обязанностей общества, коллективов, индивидов и национальных лидеров в области обеспечения правового прогресса.

В завершение отмечу, что хотя автор предупреждает, что ситуация, складывающаяся в большинстве постсоветских государств, «наводит на грустные размышления», но в целом работа основана на вере в силу общеправовых принципов.

Специфика отражения образа императора в правовом сознании крестьян Орловской губернии периода Первой мировой войны

*Кулачков Вадим Витальевич,
доцент кафедры философии, истории и социологии
Брянской государственной инженерно-технологической академии,
кандидат исторических наук
vad2517@yandex.ru*

В данной статье автор исследует специфику отражения образа императора в правовом сознании крестьянства Орловской губернии периода Первой мировой войны. Автор приходит к выводу, что системный кризис, нарастающий в стране, способствовал негативным тенденциям в плане отношения крестьян к ранее священному образу императора.

Ключевые слова: крестьянство, Орловская губерния, Первая мировая война, император, правовое сознание.

Specificity of Reflection of the Emperor's Image in the Legal Mind of Orel Government Peasants in the First World War Period

*Kulachkov Vadim V.,
Assistant Professor of the Philosophy, History, and Sociology Department
of the Bryansk State Technological University of Engineering,
Candidate of Historical Sciences*

In this article the author investigates specifics of reflection of an image of the emperor in legal consciousness of the peasantry of the Oryol province of the period of World War I. The author comes to a conclusion that the system crisis accruing in the country promoted negative tendencies in respect of the relation of peasants to earlier sacred image of the emperor.

Key words: peasantry, Oryol province, World War I, emperor, legal consciousness.

Отношение к образу императора как верховного правителя страны всегда играло важную роль в формировании правосознания ее подданных. Дореволюционную Россию закономерно называют крестьянской страной, т.к. большинство населения составляли сельские жители. Орловская губерния в этом смысле не была исключением, что позволяет рассматривать на ее примере специфику антимонархических настроений крестьянства. Целью данной статьи является изучение особенностей восприятия крестьянами Орловской губернии периода Первой мировой войны образа Николая II.

Предварительно следует остановиться на том, что современные авторы подразумевают под правовым сознанием¹. В общем смысле правовое сознание определяется как

осознаваемые личностью и обществом отношения по поводу существовавшей и существующей системы права. Так, И.Е. Фарбер понимает под правосознанием «форму общественного сознания, представляющую собой совокупность правовых взглядов и чувств, обладающих нормативным характером и включающих в себя как знание правовых явлений, так и их оценку с точки зрения справедливости, а также правовые требования, отражающие экономические и политические потребности и интересы общественного развития»². Г.С. Остроумов считает, что «правосознание — это представления, понятия, идеи, выражающие потребности в опосредовании поведения людей государственно-правовой волей»³.

Исследователи весьма обстоятельно и плодотворно изучали особенности восприятия крестьянством императорской власти.

¹ См.: Батуркин В.Г. Понятие и структура правового сознания // История государства и права. 2004. № 5. С. 19–21; Гринева Л.В. К вопросу о рефлексии правосознания в формировании правового государства // История государства и права. 2011. № 5. С. 2–4.

² Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963. С.96.

³ Остроумов Г.С. Правовое сознание действительности. М., 1969. С. 43.

Так, коллективная работа П.С. Кабытова, В.А. Козлова, Б.Г. Литвака «Русское крестьянство: этапы духовного освобождения» продолжила и углубила анализ крестьянского общественного сознания. В частности, данное исследование содержит ценные выводы о том, что к началу первой русской революции среди населения в массовом порядке происходило падение авторитета самодержавной власти⁴.

В фундаментальном исследовании Б.Н. Миронова по социальной истории России периода империи отмечается, что по ряду причин к 1917 г. крестьяне разочаровались в Николае II. В результате, к февралю 1917 г. царская власть перестала быть легитимной и легко была свергнута⁵. О.С. Поршнева исследовала содержательную сторону дел об оскорблении царской фамилии. Автор пришла к выводу, что в большинстве случаев негативной оценке подвергалась именно личность Николая II⁶. Региональные исследования фокусируют внимание на особенностях эволюции отдельных территорий и, кроме прочего, специфике восприятия верховной власти в период Первой мировой войны⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что региональная специфика восприятия верховной власти большинством населения страны остается изученной недостаточно. Поэтому введение в научный оборот новых архивных материалов будет способствовать восполнению исследовательских пробелов в данной сфере.

Следует отметить, что одним из показателей антимионархических настроений считаются архивные данные об оскорблении личности императора. В частности, своео-

бразие и специфику оскорблений по обычному праву крестьян рассматривал В.Б. Безгин⁸. В период Первой мировой войны сведения архивов представлены судебными делами крестьян, которые привлекались к уголовной ответственности за оскорбительные высказывания в адрес представителей верховной власти. Изучение данного источника дает возможность не только рассмотреть факты недовольства крестьян, но и составить представление о его причинах.

Первая мировая война обострила и усилила давно назревающее недовольство в политике, проводимой верховной властью. Многие из крестьян стали воспринимать царя в качестве политика, виновного в проблемах общественного развития страны. При этом наблюдались процессы деформации правового сознания крестьянства, что выражалось в росте числа негативных выпадов в адрес императора.

В самом начале Первой мировой войны в поле зрения полиции попадали эпизоды, содержащие оскорбительные высказывания о Николае II. Например, в фондах Государственного архива Брянской области сохранилось следственное дело за 1914 г., в котором фигурировали представители так называемых национальных меньшинств, проживающих на территории Орловской губернии. В частности, в рапорте брянскому уездному исправнику от 6 сентября 1914 г. указывалось, что «30 августа сего года на Брянском заводе в писчебумажный магазин крестьянина Лифляндской губернии Верроского уезда Рихарда Яковлева Треймана 27 лет, по национальности эстонца, зашли потомственная почетная гражданка Анна Ильинская и крестьянка Александра Аলেখина, которым Трейман предложил купить гравюру с изображением в центре группы его императорского высочества верховного главнокомандующего, а по сторонам — главных военачальников. При этом Трейман, указывая пальцем на изображение его императорского высочества и обращаясь к названным лицам, произнес, находясь в трезвом состоянии, фразу: «Правда ли, что он похож на дурака». Ильинская и Аলেখина, ничего не ответив Трейману, продолжали рассматривать гравюры, а Трейман стал им объяснять, что он вскоре получит гравюры хорошей работы императора Вильгель-

⁴ См.: Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.

⁵ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX в.): в 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 141, 144, 210.

⁶ См.: Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2000.

⁷ См.: Барынкин В.П. Крестьянство Западных губерний Центра России накануне Октябрьской революции: по материалам Калужской, Орловской, Смоленской губерний: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 1997; Есиков С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1998; Крайкин В.В. Первая мировая война в восприятии крестьян: по материалам Орловской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2009.

⁸ Безгин В.Б. Оскорбление словом или действием по обычному праву (вторая половина XIX — начало XX в.) // История государства и права. 2009. № 12. С. 22–24.

ма и предложил купить портрет его императорского величества государя императора, при этом достал несколько портретов, и, обращаясь к покупателю, произнес пренебрежительным тоном: «покупайте сколько угодно, всего по пятаку, а Вильгельма за пятак я не продам». Ильинская и АLEXИНА, не заявив об изложенном полиции, рассказали о происшедшем, придя на службу в конторе завода»⁹.

К сожалению, в деле не удалось обнаружить судебных последствий данного инцидента. Однако можно предположить, что за владельцем магазина как минимум был установлен особый надзор полиции. Данный вывод позволяет сделать анализ других следственных дел, содержащих оскорбительные высказывания в адрес императора. Так, в материалах помощника начальника Орловского губернского жандармского управления в Брянском и Карачевском уездах за 1915 г. сохранилось судебно-следственное дело по обвинению крестьянина дер. Дорогино Овстугской волости Брянского уезда Е. Евтишенкова в оскорблении словом царской личности. В частности, в уведомлении о возбуждении дознания указывалось, что он обвиняется «в государственном преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 103 Угол. Улож. Время возбуждения дознания — 7 сентября 1915 г., место возбуждения и производства — гор. Брянск Орловской губернии»¹⁰.

В чем же конкретно обвинялся Ефим Евтишенков? В деле отмечалось, что полицейское дознание установило, что «26 марта 1915 г. в дер. Дорогино Овстугской волости Брянского уезда крестьянин Ефим Евтишенков в разговоре с односельцами о текущих военных событиях позволил себе произнести по адресу Его Императорского Величества Государя Императора фразу: «Наш царь глумной, отдал было Варшаву германцу, спасибо уже Николаю Николаевичу, который хотел за это Царю голову снять шашкой и прогнал его, говоря — пошел ты, где был, мы без тебя здесь распорядимся»¹¹.

Надо сказать, что по своему социальному статусу Е. Евтишенков практически не отличался от большинства крестьян. Указывалось, что он «родился в дер. Дорогино Овстугской Брянского уезда Орловской губернии, 46 лет. Православного вероисповедания, родители — умерли, занятие — земледельцем, малограмотный. Отбывал дей-

ствительную военную службу в 31 пехотном Алексопольском полку рядовым»¹². После полицейского дознания дело закончилось тем, что «для пресечения способов уклонения от следствия и суда названному Ефиму Петрову Евтишенкову учредить особый надзор полиции в избранном им месте жительства, объяснив настоящее постановление обвиняемому»¹³. По всей видимости, дальше особого надзора дело не пошло, т.к. в следственном деле информации о более суровой мере наказания не содержится.

Аналогичное следственное дело, но уже связанное с другим крестьянином, более молодого возраста, расследовалось полицией в 1916 г. Фигурантом стал крестьянин хутора Бабинки Акуличской волости Брянского уезда Василий Архипов Федькин. Основаниями для возбуждения дознания стали «показания свидетелей о том, что крестьянин Василий Архипов Федькин во время разговора произнес слова, заключающие оскорбление особы Его Императорского Величества Государя Императора»¹⁴. По поводу личности подозреваемого указывалось, что «Василий Архипов Федькин, 26 лет, родился в дер. Вязовка Акуличской волости Брянского уезда. Православного вероисповедания. Постоянное место жительства — на хуторе Бабинки Акуличской волости Брянского уезда Орловской губернии. Отец Архип Иванов умер, мать Прасковья Сафоновна, 63 лет, живет при Федькине. Земледелец — хозяин. Неграмотный. В 1911 г. призывался в Брянском уездном по воинской повинности присутствии и был зачислен в ратники ополчения 2 разряда. В ноябре 1915 г. воинским начальником в г. Брянске был освобожден навсегда по 82 статье. Ранее к дознаниям не привлекался. Основания — показания свидетелей. Принятая мера пресечения: отдан под особый надзор полиции по месту его жительства на хутор Бабинка Акуличской волости Брянского уезда Орловской губернии»¹⁵. Как и в предыдущем деле, сведений о других наказаниях, которые применялись к обвиняемому, не сохранилось.

Таким образом, материалы данных следственных дел периода Первой мировой войны позволяют сказать о том, что наблюдались явные признаки разочарования крестьян в верховной власти, персонифицируемые в образе императора Николая II. Данное обстоятельство способствовало по-

⁹ ГАБО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 845. Л. 177.

¹⁰ ГАБО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 301. Л. 1.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 11.

¹⁴ ГАБО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 315. Л. 13.

¹⁵ Там же. Л. 21.

вышению уровня негативности в отношении крестьян к царю. В результате свержение монархии и отречение императора в феврале 1917 г. было встречено крестьянами с достаточной долей апатии. В частности, П.П. Марченя на основе изучения массового правосознания в переломном для России 1917 году приходит к выводу, что «...первая реакция крестьянских масс на свержение «батюшки-царя» была весьма умеренной, а в настроении его преобладали поначалу надежды на скорое улучшение своего положения...»¹⁶. Можно согласиться с этим мнением, т.к. в силу ряда как объективных, так и субъективных причин 1917 год стал этапным временем в смысле непростого выбора пути дальнейшего развития страны.

Литература:

1. Барынкин В.П. Крестьянство Западных губерний Центра России накануне Октябрьской революции: по материалам Калужской, Орловской, Смоленской губерний: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Брянск, 1997. 24 с.
2. Батуркин В.Г. Понятие и структура правового сознания // История государства и права. 2004. № 5. С. 19–21.
3. Безгин В.Б. Оскорбление словом или действием по обычному праву (вторая половина XIX — начало XX в.) // История государства и права. 2009. № 12. С. 22–24.
4. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. 523. Оп. 1. Д. 845. Л. 177.
5. ГАБО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 301. Л. 1.
6. ГАБО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 315. Л. 13.
7. Гринева Л.В. К вопросу о рефлексии правосознания в формировании правового государства // История государства и права. 2011. № 5. С. 2–4.
8. Есиков С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1998. 34 с.
9. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Изд-во «Мысль», 1988. 237 с.
10. Крайкин В. В. Первая мировая война в восприятии крестьян: по материалам Орловской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2009. 239 с.
11. Марченя П.П. Массовое правосознание и победа большевизма в России: монография. М.: Изд-во «Щит-М», 2005. 206 с.
12. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX в.): в 2 т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 1. 548 с.
13. Остроумов Г.С. Правовое осознание действительности. М.: Наука, 1969. 175 с.
14. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 359 с.
15. Фарбер И.Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1963. 205 с.

¹⁶ Марченя П.П. Массовое правосознание и победа большевизма в России: монография. М.: Изд-во «Щит-М», 2005. С. 128.

Апелляция в России: проблемы периодизации

*Калякин Олег Алексеевич,
профессор Приднестровского государственного
университета имени Т.Г. Шевченко
koatir94@mail.ru*

В статье рассматривается характеристика основных этапов развития института апелляции при отправлении правосудия в России.

Ключевые слова: судопроизводство, апелляция, периоды развития апелляции.

Appeal in Russia: Periodization Issues

*Kalyakin Oleg A.,
Professor of the Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko*

The article analyzes the characteristics of main stages of development of the appeal institute at exercising justice in Russia.

Key words: judicial procedure, appeal, appeal development periods.

Исследование истории возникновения и развития любого правового института помогает изучить закономерности в структуре его системы в целом и составляющих ее элементов, выявить условия, способствующие или нарушающие ее функционирование, что позволяет смоделировать и предложить ее оптимальную реконструкцию. В истории апелляции в России ярко выделяются несколько этапов, каждый из которых оказал существенное влияние на институт апелляции в его современном виде.

В отечественной науке были высказаны различные точки зрения на момент возникновения в русском праве института апелляции при отправлении правосудия. Попробуем рассмотреть эту проблему, исходя из существующих точек зрения на периодизацию отечественной истории развития института обжалования и пересмотра судебных актов.

По мнению Е.А. Степановой, в развитии апелляционного производства и иных способов обжалования судебного акта, содержащих отдельные элементы апелляции, в российском гражданском процессе можно выделить следующие этапы: «безапелляционный» (с XI по конец XV в.), «пределапелляционный» (с конца XV в. по 1864 г.), «апелляционный» (с 1864 г. по 1917 г.), «постапелляционный» (с 1917 г. по 1995 г.); с 1995 г. — шаги по возрождению апелляционного производства или отдельных его элементов¹.

Е.А. Борисова выделяет следующие этапы в истории апелляции в российском гражданском процессе: первый этап — «безапелляционный» (XI в. — конец XV в.); второй этап (конец XV в. — 1864 г.) — появление возможности обжалования судебного решения и возможности апелляционного обжалования в частности; третий этап (1864 г. — 1917 г.) — время действия Устава гражданского судопроизводства; четвертый этап (1917 г. — 1991 г.) — период, когда апелляционное обжалование находилось в забвении; пятый этап (с 1991 г. по настоящее время) — восстановление в гражданском судопроизводстве, судопроизводстве в арбитражных судах апелляционной проверки судебных актов².

В свою очередь А.С. Червоткин, исследуя отечественный институт пересмотра судебных

решений, выделяет в самом общем виде следующие периоды его развития: период, когда приговор суда первой инстанции приводился в исполнение без какого-либо его пересмотра (до начала XVI в.); период, когда господствовал ревизионный порядок пересмотра дела, которое передавалось в вышестоящий суд в обязательном порядке для утверждения, независимо от того, было ли обжаловано судебное решение, а принимаемое вышестоящим судом решение не зависело от сути жалобы; период, когда в результате судебной реформы середины XIX в. утвердились новые принципы построения судебной системы и уголовного судопроизводства; советский период, в котором утвердился контрольно-ревизионный (кассационный) порядок пересмотра дела; современный период, сутью которого является возвращение к построению уголовного судопроизводства, закрепленного Судебными уставами 1864 г.³

Еще одна периодизация была предложенная Н.В. Сидоровой, которая в развитии института апелляции в уголовном судопроизводстве выделяет три этапа: период с 1672 до 1775 гг., когда произошло возникновение отдельных элементов апелляции; период с 1775 по 1864 гг., который связан с введением Учреждения для управлений губерний и установлением ревизионного порядка пересмотра дела; период с 1864 по 1917 гг., когда в результате судебной реформы, проводимой Александром II, был закреплен институт апелляции в его общепринятом понимании⁴.

Вместе с тем все указанные периодизации не лишены отдельных недостатков. Поэтому, на наш взгляд, было бы целесообразно рассмотреть все этапы развития отечественного института апелляции при отправлении правосудия, дав им самую общую характеристику.

Ни в Русской правде (XI в.)⁵, ни в Псковской судной грамоте (1467 г.)⁶ нет упоминания о возможности пересмотра состоявшегося решения суда. Это было связано, по мнению В.Н. Шпилева, с отсутствием строгого устройства судов, внутренним постро-

³ Червоткин А.С. Апелляция и кассация: пособие для судей. М., 2013. С. 29, 50.

⁴ Сидорова Н.В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. С. 95–96.

⁵ Памятники русского права. Вып. 1. X–XII вв. / под ред. заслуженного деятеля науки проф. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952. С. 77–205.

⁶ Памятники русского права. Вып. 2. XII–XV вв. / под ред. заслуженного деятеля науки проф. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1953. С. 286–324.

¹ Степанова Е.А. Апелляция в России: Историко-правовой аспект и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 69–93.

² Борисова Е.А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе: 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 55.

ением процесса, господством обычного права, методами решения споров, где основную роль играли судебный поединок и суд божий⁷. В Новгородской судной грамоте (1471 г.) можно наблюдать азы института пересмотра решений суда. Так, «пересуд» или право нового рассмотрения дела в высшей инстанции принадлежало органам княжеского суда (наместнику великого князя и его тиуну)⁸.

Судебники 1497 г.⁹ и 1550 г.¹⁰, а также Соборное уложение 1649 г.¹¹ знали такой способ устранения судебных ошибок, как «суд с головы», означающий возможность переноса дела для повторного разрешения в вышестоящий суд по инициативе одной из сторон¹². Это дало основание Е.А. Борисовой сделать вывод о том, что с конца XV–XVI вв., т.е. со времени издания Судебников, в Российском государстве начинает развиваться институт обжалования судебных решений, который по своей сути был ничем иным, как апелляцией¹³.

Однако И.Я. Баршев отмечал в своих трудах, что в самом начале устройства следственного процесса приговор даже смертный приговор первой инстанции приводился в исполнение ею самой без пересмотра высшей инстанцией¹⁴. Это дало основание М. Гартунгу сделать вывод, что до конца XV — начала XVI вв. в России «...везде суд был единоличный и окончательный, об инстанциях не было и речи»¹⁵.

Также и И.Я. Фойницкий, различая с эпохи Судебников частные и апелляционные жа-

лобы¹⁶, отмечал, что производство по апелляционной жалобе, носившей личный характер, имело вид суда с судьей¹⁷. Кроме того, он же указывает на то, что учрежденные в XVI в. для рассмотрения дел о вedomых лихих людях губные старосты вершили дела окончательно, без права обжалования¹⁸.

В целом до начала XVIII века розыскной процесс в России не знал пересмотра решений по уголовным делам судом вышестоящей инстанции по той причине, что в указанный исторический период не было произведено разделение судебной и исполнительной властей, а также разграничения гражданского и уголовного процессов.

На наш взгляд, те же черты были характерны для процесса и в конце XVII века, следовательно, именной Указ от 23 июля 1672 г. «О неприсылке из городов колодников в Разбойный приказ, и о доставлении о них одних только дел»¹⁹, который особо выделяет Н.В. Сидорова, не может быть рассмотрен как момент возникновения отдельных элементов апелляции. В этом и других нормативных документах — таких, например, как именной Указ от 21 марта 1714 г. «О подаче просьб о всяких делах в городах Комендантам, по неудовольствию на Комендантов Губернаторам, а на сих последних Правительствующему Сенату и о недержании подавать просьбы Царскому Величеству в противность сему порядку»²⁰, — речь идет об упорядочении обращения документов (челобитных), не обязательно связанных с деятельностью по отправлению правосудия.

Но это свидетельствует, что в развитии отечественного права, регулирующего «право на подачу челобитной», можно проследить тенденции отграничения частной жалобы от жалобы апелляционной, о чем, применительно к чуть более позднему периоду времени, писал Н.В. Стус²¹, что создает необходимые процессуальные предпосылки для формирования института апелляции. Следовательно, «безапелляционный», по терминологии Е.А. Степановой, период необходимо выде-

⁷ Шпилев В.Н. Обжалование и опротестование судебных решений и определений в гражданском процессе СССР: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1946–1948. С. 103.

⁸ Памятники русского права. Вып. 2. XII–XV вв. С. 212, 230.

⁹ Памятники русского права. Вып. 3. XIV–XV вв. / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1955. С. 348.

¹⁰ Памятники русского права. Вып. 4. XV–XVII вв. / под ред. проф. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1956. С. 233.

¹¹ Памятники русского права. Вып. 6. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М.: Госюриздат, 1957. С. 79.

¹² Степанова Е.А. Указ. соч. С. 72.

¹³ Борисова Е.А. Указ. соч. С. 26.

¹⁴ Баршев И.Я. Основы уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 237.

¹⁵ Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. СПб., 1868. С. 80.

¹⁶ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1888. С. 268.

¹⁷ Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 269.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. I. № 527.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 2787.

²¹ Стус Н.В. История уголовно-судебного права России: монография. Ставрополь: Издательство «Дизайн-студия Б», 2014. С. 90.

лять в периодизации истории развития отечественного института апелляции.

Появление отдельных элементов апелляции, на наш взгляд, связано с судебной реформой Петра I. Во-первых, был издан именной Указ от 22 декабря 1718 г. «О неподаче Государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения на то учреждений Правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат, под смертною казнию»²², закрепивший принцип инстанционности в судопроизводстве. Во-вторых, в рамках проведения 2-й губернской реформы судебные органы (по крайней мере, первых трех звеньев) были и функционально отделены от административных (это касалось лишения местных органов общего управления судебных функций). Это нашло свое закрепление в Инструкции или наказе Воеводам²³ и в Инструкции или наказе земским комиссарам²⁴, утвержденных в январе 1719 г.

Именно Указ от 22 декабря 1718 г. можно рассматривать в качестве отправной точки появления апелляции в отечественном процессуальном праве, поскольку в нем впервые устанавливался апелляционный порядок обжалования в вышестоящие судебные инстанции неправосудных решений нижестоящих судов. Этот порядок в дальнейшем был развит в Указе Юстиц-Коллегии от 15 июля 1719 г. «О неподаче просьб в высший суд, минуя низший и о переносе дела из одного суда в другой той же инстанции»²⁵. Также в соответствии с именованным Указом от 12 января 1722 г. была учреждена должность независимого от Сената Рекетмейстера²⁶, на которого в соответствии с Наказом Рекетмейстеру²⁷ была возложена обязанность по проверке апелляционных жалоб, надзор за своевременным отправлением правосудия в коллегиях и канцеляриях. В Наказе было указано, что рекетмейстер, принимая челобитные, рассматривал только те из них, которые свидетельствовали о волоките и вынесении неправосудных решений. Позднее, 6 апреля 1722 г., был принят именной Указ «О неподаче Его Императорскому Величеству прошений, мимо Рекетмейстера»²⁸, в соответствии с которым за нарушение порядка инстанций

просители подвергались публичному жестокому наказанию и ссылке на каторгу.

Как указывалось выше, начало второго периода в развитии отечественного института апелляции Н.В. Сидорова связывает с введением Учреждения для управлений губерний 1775 г. Но изменения в судебном праве России были сделаны и рядом предшествующих указов. Именно в этот период были приняты такие значимые для развития института апелляции нормативные акты, как именной Указ от 30 июля 1762 г. «О правилах производства апелляционных дел»²⁹, именной Указ от 10 февраля 1763 г. «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству»³⁰, сенатский Указ от 18 июня 1764 г. «О рукоприкладстве челобитчиков к сочиненным из дел экстрактам и о решении дел без челобитчиков в случае неявки их в срок»³¹, именной указ от 13 января 1765 г. «О ведомстве суда армян и татар, жительствующих в Астрахани»³², сенатский Указ от 16 июня 1767 г. «О порядке производства следствий по доносам о корчемстве»³³, сенатский Указ от 19 декабря 1771 г. «О непринятии апелляции по миновании назначенного для оной срока, на основании Литовского Статута»³⁴.

Наиболее важным был Указ от 30 июля 1762 г., который оформил институт «права на апелляцию»: сторона, несогласная с вынесенным решением, выражала свое неудовлетворением этим решением непосредственно после его оглашения, после чего в течение 7 дней по оглашению судебного акта должна была в письменной форме выразить свое несогласие и объявить о намерении обжаловать его. Если в указанный срок несогласие не объявлялось, то «право на апелляцию» терялось. Кроме того, данный Указ установил годичный срок для подачи апелляционной жалобы для лиц, находящихся на территории России, а для прочих (находящихся за границей постоянно или временно) — 2 года. Дело в апелляционной инстанции рассматривалось с участием тяжущихся, которые могли указывать на нарушения, допущенные при рассмотрении дела. С этого же Указа начал формироваться институт залога правой апелляции.

Указанные выше положения Указа от 30 июля 1762 г. нашли свое развитие в Учреж-

²² Полное собрание законов Российской империи. Т. V. № 3261.

²³ Там же. № 3291.

²⁴ Там же. Т. V. № 3295.

²⁵ Там же. Т. V. № 3403.

²⁶ Там же. Т. VI. № 3877.

²⁷ Там же. Т. VI. № 3900.

²⁸ Там же. Т. VI. № 3947.

²⁹ Там же. Т. XVI. № 11629.

³⁰ Там же. Т. XVI. № 11750.

³¹ Там же. Т. XVI. № 12189.

³² Там же. Т. XVII. № 12307.

³³ Там же. Т. XVIII. № 12941.

³⁴ Там же. Т. XIX. № 13718.

дении для управлений губерний Российской империи 1775 г.³⁵ и в Своде законов Российской империи 1832 г. Следовательно, третий этап периодизации истории развития института апелляции было бы целесообразнее начинать с 1762 г.

При этом необходимо отметить, что в этот период имелись все необходимые правовые и организационные предпосылки для формирования самостоятельного института апелляции, но этому препятствовал ревизионный порядок рассмотрения дела, сутью которого является безусловная и обязательная проверка судебного решения и его утверждение вышестоящим судом вне зависимости от поступления на него жалоб, протестов или представлений.

С утверждения 20 ноября 1864 г. Устава уголовного судопроизводства и Устава гражданского судопроизводства начинается четвертый этап истории развития отечественного института апелляции. Нормы об апелляции, содержащиеся в отделениях 1-3 главы I раздела II книги второй УГС (ст. 743–782) и в отделениях 1-2 главы II раздела V книги второй УУС (ст. 856–892), закрепили апелляцию в качестве самостоятельного института процессуального права³⁶.

Следующий период, который А.С. Червоткин называет «советским», а Е.А. Степанова — «постапелляционным». Дело в том, что тенденция к отказу от апелляции выявилась уже вскоре после Февральской революции 1917 г. Приказом министра юстиции № 2 от 3 марта 1917 г.³⁷ в Петрограде стали создаваться временные суды. Подобные суды были вскоре созданы на всей территории России³⁸. Согласно Инструкции временным судам, утвержденная товарищем министра юстиции 22 марта 1917 г.³⁹, приговоры указанных судов приводились в исполнение немедленно и обжалованию не подлежали (допускалась лишь их отмена в порядке надзора министром юстиции). Фактически Декрет СНК «О суде» от 24 ноября 1917 г.⁴⁰ и Декрет

ВЦИК «О суде» от 12 января 1918 г.⁴¹, отменив обжалование в апелляционном порядке, лишь нормативно закрепили эту тенденцию. Но исключать период с 1917 г. по середину 1990-х годов из периодизации истории отечественного института апелляции при отпадении правосудия, на наш взгляд, нецелесообразно, поскольку отменив апелляцию в том виде, в каком она была закреплена в Судебных уставах 1864 г., вместо нее создали институт «советской кассации», в основе которого лежал «кассационно-ревизионный порядок проверки судебных решений, сочетающий элементы классических («буржуазных», по словам советских правоведов) апелляции и кассации»⁴². На то, что советская кассация представляла собой смешанную форму проверки законности и обоснованности приговоров, не вступивших в законную силу, по письменным материалам дела, без возможности исследования новых доказательств и возможности вынесения нового приговора, указывал и А.В. Червоткин⁴³.

Наконец, шестой (или современный) период. Хотя в соответствии с Концепцией судебной реформы в РСФСР, одобренной Постановлением Верховный Совет РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1, в качестве важнейшей гарантии прав личности предусматривалось право на полный пересмотр дела в вышестоящей (кассационно-апелляционной) инстанции по жалобе лица⁴⁴, первые изменения в праве произошли позднее: в арбитражном судопроизводстве первые шаги по возрождению апелляционного производства или отдельных его элементов отмечают с 1995 г. — с принятия Конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ»⁴⁵ и вступления в действие с 1 июля 1995 г. нового АПК РФ⁴⁶; в гражданском судопроизводстве — с принятием Конституционного закона от 23 октября 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной си-

³⁵ Там же. Т. XX. № 14392.

³⁶ См.: Борисова Е.А. Указ сочи. С. 32–42; Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 281–288.

³⁷ Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата и суда. 1917. № 10–11. С. 247.

³⁸ Верещагина А.В. Судостроительное и уголовно-процессуальное законодательство России конца XIX — начала XX века: тенденции развития и идеи реформирования: монография. Владивосток: Издательство ВГУЭСЮ, 2014. С. 148.

³⁹ Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 190–192.

⁴⁰ Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

⁴¹ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

⁴² Александров А.С., Ковтун Н.Н. Основания к отмене (изменению) приговора в суде апелляционной инстанции // Государство и право. 2001. № 1. С. 56.

⁴³ Апелляция в уголовном судопроизводстве: научно-практическое пособие / под общ. ред. В.В. Ершова. М.: Издательство «Право», 2013. С. 19.

⁴⁴ Концепция судебной реформы в Российской Федерации / сост. С.А. Пашин. М.: Республика, 1992. С. 48, 51–52, 98.

⁴⁵ Российская газета. 1995. № 93. 16 мая.

⁴⁶ СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1709.

стеме РФ»⁴⁷; а в уголовном судопроизводстве — с принятия Федерального закона от 7 августа 2000 г. № 119-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»⁴⁸.

Таким образом, более обоснованной является следующая периодизация истории развития отечественного института апелляции:

— первый период — до начала XVIII в., — когда ни существовавшая судебная система, ни нормы права не предусматривали возможность особой процессуальной формы пересмотра судебного решения, но к концу этого периода все явственнее видны тенденции к выделению процессуального порядка, направленного на исправление судебных ошибок и недопущению судебной волокиты;

— второй период — с 1718 по 1762 гг., — когда на фоне закрепления принципа инстанционности в судопроизводстве и попыток по отделению суда от администрации закрепляются первые элементы особой процессуальной формы пересмотра судебных решений — апелляционный порядок обжалования в вышестоящие судебные инстанции неправосудных решений нижестоящих судов;

— третий период — с 1762 по 1864 гг., — когда в результате судебных преобразований Екатерины II стали формироваться основные элементы института апелляции, однако формированию самостоятельного института апелляции препятствовал господствовавший ревизионный порядок рассмотрения дел;

— четвертый период — с 1864 по 1917 гг., — когда в ходе судебной реформы 1864 г. апелляция была закреплена в качестве самостоятельного института процессуально-го права;

— пятый период — с 1917 по середину 1990-х гг., — когда апелляция как самостоятельная форма пересмотра судебных решений была ликвидирована и заменена смешанной формой проверки законности и обоснованности приговоров, не вступивших в законную силу, которая включала в себя

элементы апелляции и кассации, закрепленных судебными уставами 1864 г.;

— шестой (современный) период — с середины 1990-х гг. по настоящее время, — когда, по сути, имеет место возвращение к построению уголовного и судопроизводства, закрепленного Судебными уставами 1864 г., и восстановлению апелляции как самостоятельной формы отправления правосудия по уголовным делам.

Литература:

1. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под ред. Н.А. Колоколова. М.: ИГ «Юрист», 2011. 188 с.
2. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ: Первые результаты применения: монография: в 2 ч. / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2015. Ч. 1. 552 с. Ч. 2. 528 с.
3. История судебной системы России: учебное пособие / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2011.
4. История государства и права России: учебник / под ред. Н.А. Колоколова. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2014.
5. Скляренко М.В. Функция судебной системы XXI века: коррекция судебных решений по делам о преступлениях, совершенных в 20–40-е годы века прошлого // История государства и права. 2015. № 1. С. 39–43.
6. Скляренко М.В. Генезис и эволюция системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений по уголовным делам в России (от зарождения государственности до империи) // История государства и права. 2015. № 5. С. 26–31.
7. Скляренко М.В. Обжалование, проверка и пересмотр приговоров, постановленных судами в период Великой Отечественной войны (1941–1945 годов) // Военно-юридический журнал. 2015. № 3. С. 26–30.
8. Скляренко М.В. Система обжалования, проверки и пересмотра судебных решений по уголовным делам в СССР // История государства и права. 2015. № 6. С. 36–42.
9. Скляренко М.В. Эволюция системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений по уголовным делам в Императорской России // История государства и права. 2015. № 11. С. 52–57.

⁴⁷ СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

⁴⁸ СЗ РФ. 2000. № 33. Ст. 3345.